

ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ — РОДИНУ ЗАЩИЩАТЬ!

ОФИЦЕРЫ

★ ЛЕВ ПУЧКОВ ★

**ПРИКАЗ:
ОГОНЬ НА
ПОРАЖЕНИЕ**

СТУДИЯ

Лев Пучков
Приказ: огонь на поражение
Серия «Команда №9», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120884
Приказ: огонь на поражение: Эксмо; М.: 2006
ISBN 5-699-04202-4*

Аннотация

Их немного, но они лучшие из лучших. Они профессионалы войны. Скрытые рейды в горах Чечни, разведка, минирование, захват языков, обмен пленными – вот их стихия. Теперь перед ними задача повышенной сложности – найти оборотня в высоких чинах, сливающего информацию моджахедам. Они «вне закона», их задача никому не известна, и при малейшей ошибке их ликвидируют как свои родные федералы, так и «духи». Выполнить задание надо в кратчайшие сроки и любой ценой. А цена жизни здесь совсем невысока.

Ранее произведение издавалось под названием «Рекруты удачи».

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	19
ГЛАВА 4	39
ГЛАВА 5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Лев Пучков

Приказ: огонь на поражение

Некоторые события, описанные в книге, выдуманы. Названия ряда населенных пунктов, учреждений и организаций – изменены. Изменены также многие фамилии, встречающиеся в тексте.

ПРОЛОГ

«4/465 от 23.08.2002 г.

Совершенно секретно
КОМАНДУЮЩЕМУ ОГВ(С)¹

...В связи с резким ухудшением оперативной обстановки в СКР² и явной неспособностью действующих частей, подразделений и приданных сил контролировать ситуацию в районах с высокой активностью НВФ³ рекомендую на месте рассмотреть вопрос о создании внештатной структурной единицы с особым статусом, ориентированной на высокоэффективную оперативно-разведывательную деятельность и выполнение неспецифических служебно-боевых задач...»

– Не понял?!

Командующий сурово нахмурился и покосился на прапорщика Редько, притащившего «ракету»⁴. Прапорщик втянул голову в плечи и виновато шмыгнул носом. Дескать, я к этой дряни – никаким боком. Я только принимаю и ношу.

Шифрограмма была пространной: Генштаб подробно излагал свое видение вот этой самой новой единицы в оперативно-тактическом и профессиональном аспекте.

«...должен стать принцип „не числом, а умением“... отобрать профессионалов высочайшего класса... самыми широкими полномочиями... четкая координация со всеми взаимодействующими органами... содействие на всех уровнях... высокие результаты...»

– Дебилы, – отчетливо произнес командующий, не стесняясь прапорщика. – Каким местом там груши околачивают – непонятно...

Негодование командующего было вполне оправданным. В обширной зоне военного конфликта стоит многотысячная группировка войск, щедро разбавленная разнообразными спецназами, СОБРами, ОМОНами, разведчиками, контрразведчиками и прочей ратной братией, которая не покладая рук изучает обстановку в районах и с переменным успехом борется с бандформированиями и вредоносными террористами. Если выдернуть всех этих специалистов из засад и рейдов и собрать их на плацу, по самым скромным подсчетам, получится отряд в пару тысяч стволов, каждый боец которого знает свое дело и не зря проедает командировочные.

¹ Объединенная группировка войск на Северном Кавказе.

² Северо-Кавказский регион (аббр.).

³ Незаконные вооруженные формирования.

⁴ Срочная шифрограмма.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: что может изменить вновь созданная структурная единица численностью до отделения, набранная, в свете рекомендаций Генштаба, из этих же самых специалистов? Выловит эмиссаров с деньгами, перекроет каналы поставок оружия и потихоньку ликвидирует всех полевых командиров?! Это каким же светлым оптимистом нужно быть, чтобы придумать такое!

А то, что произошло «резкое ухудшение», – так это каждому солдату ясно: «духам» денег подвезли, вот и трудятся ребята, показывают результат...

– Точно – дебилы, – утвердился в первоначальном мнении командующий и дочитал концовку:

«...особо отмечаю, что инициатива создания специальной команды исходит от высшего руководства, озабоченного усилением влияния международных террористических организаций в зоне Вашей ответственности...»

– Ага! – ядовито хмыкнул командующий. – Оправдываются. Заставили, мол, – не сами мы такие. Ну-ну...

И, небрежным росчерком поставив резолюцию, бросил шифрограмму на стол. Родина сказала – «надо!», командир ответил – «есть!». Какие проблемы? Хотите единицу – нате. Вот лежит проект приказа, последним пунктом внесены восемь текущих команд для естественных фронтовых надобностей: за пополнением, медикаментами, арттехвооружением... Возвращаем проект обратно, даем время на доработку.

– Так... Это, значит, будет команда номер девять. Хорошо – не тринадцать... Тащи кадровику. Пусть занимается. К 16.00 – перебитый приказ ко мне...

ГЛАВА 1

Костя Воронцов

23 августа 2002 г., с. Шалуны⁵

– Это жопа, – резюмировал Вася Крюков.

– Нет, это не просто жопа, – не согласился я. – Это нечто большее. Это... Это...

– Это негрская жопа, – пришел на помощь Вася. – То есть совсем черная.

– Негритянская, – поправил я. – Или африканская. На худой конец, афро-американская.

Но в целом, коллега, ход ваших рассуждений верен. Это она самая...

Чтобы не ввести вас ненароком в заблуждение, следует пояснить: мы с Васей вовсе не антропологи и тем паче не проктологи-энтузиасты. Я – майор Воронцов, военный психолог, а Вася – капитан войсковой разведки. А жопа в данном случае – не вульгарное наименование части тела, а расхожее армейское определение ситуации. Отсутствие положительных перспектив, большая вероятность неприятных последствий, безысходность, тупик... В общем – жопа. Коротко и ясно.

– Как насчет загладить вину? – Я обернулся к закамуфлированным под «рядовых» чекистам. – Вы, наверное, в курсе, что такое эксгумация? Лопату мы вам выделим...

– Нереально. – Старший «рядовой» – товарищ с яркой внешностью «местного» (видимо, специально подбирали), махнул рукой в сторону западной оконечности мусульманского кладбища, где собралась изрядная массовка. – Они будут тут торчать, пока мы не уберемся из села. Знают, чего хотим...

– А кого это е...ет? – Вася одарил «рядовых» крайне неприязненным взглядом. – Это вы обосрались. Теперь убирайте за собой. Вытирайте свою жопу. А то мало того, что жопа, так еще и обосранная!

Вася по жизни грубиян. Это не свойство природы, а некое противодействие суровой армейской среде, я бы даже сказал – своеобразный компенсаторный комплекс. Дело в том, что капитан Вася удивительно молодо выглядит. Невысокий, худенький, большущие серые глаза, огромные пушистые ресницы, личико чистое, курносый... Короче, побрить, помыть, одеть в штатское и посадить в девятый «А» средней школы – никто и не усомнится, что мальчик на своем месте. Представляете, как трудно типу с такой внешностью среди прожженных псов войны? Вот и растопыривается каждую минуту – ежиком работает. И подвиги совершает на ровном месте. А те, кто не в курсе, принимают эту детскую браваду за чистую монету и обижаются...

– Не хами, капитан, – сурово нахмурился младший чекист – крепенький товарищ с походкой борца, явно не дурак насчет подраться. – Тебе служить надоело?

– Мне ваши шпионские приколы надоели! – Вася прищурился и вызывающе сплюнул чекисту под ноги. – Без вас – все нормально. Как вас воткнут куда – жди, обязательно какая-нибудь гадость будет. Я всегда говорил: ФСБ – это жопа. Если взять группировку за единый организм, то каждая структура – это какая-то его часть. Штаб – голова. Разведка – глаза и уши. Замполиты (тут Вася ткнул меня в бок – психологи у нас по старинке числятся в замполитах) – язык. Пехота – ноги, спецназ – руки. «Мазута» – тело. А контрразведка и ФСБ, значит...

– Ты пожалеешь об этом, – процедил крепенький, красноречиво хрустнув суставами пальцев. – Как вернемся в Ханкалу, я тебе...

⁵ Некоторые названия нас. пунктов, предприятий и организаций намеренно изменены.

– Ну все – хорош! – буркнул старший чекист, крепко хлопнув коллегу по плечу. – Нашли время... Давайте лучше подумаем, как разгрестаться будем...

Вообще мне эта затея с самого начала не понравилась.

Я с большим пиететом отношусь к нашим органам безопасности, с удовольствием смотрел сказку про лихие приключения агента Лехи Николаева и в любой момент готов поселиться в непосредственной близости с памятником «жел. Феликсу» (пусть его поставят обратно, а мне дадут квартиру где-нибудь в двадцати метрах – галопом перееду из софринской офицерской общаги!). А разведывательно-поисковый Вася Крюков – известный грубиян и задира. Даром, что ли, при всех его заслугах и мастерстве, раз в месяц, как по расписанию, сажают на гауптвахту?!⁶

Но в данном случае Вася был прав на все сто. Не берусь рассуждать, отчего так получается, это долго и абстрактно, но мой печальный боевой опыт богат примерами: свяжешься с потомками тов. Дзержинского – обязательно попадешь в передрыгу. И в этот раз получилась такая же лапша – отдались наши шефы, отдались обаятельными чекистам без остатка, и, подозреваю, отчасти даже при отсутствии какой-либо контрацепции!

А как было бы славно, если бы мы действовали по обычной схеме: отхватили инфо, «перетерли» со старейшинами, провели беглую рекогносцировку, зарядили бы на место за часок до мероприятия Васю с его хлопцами, подскочили всем гамузом, разменялись...

Однако давайте по порядку, а то заинтриговал тут, понимаешь, а в чем, собственно, дело, пока неясно.

Я – офицер отделения МПП (морально-психологического противодействия). Понятное дело, прикомандированный. Мы тут все подряд временно прикомандированные, а у себя в ППД (пункт постоянной дислокации) частей и подразделений состоим в других должностях по родственному профилю. Хотя, если разобраться, эта временность и прикомандированность в последнее время извращена до основания, можно сказать, вывернута наизнанку. Лично у меня, например, с августа 99-го и по сей день в общей сложности набежало 547 суток командировки. Вычитайте из оставшихся деньков три месяца госпиталя после ранения, отпуска, выходные и прикиньте, куда я где. То есть где вообще мой реальный ППД и куда я фактически прикомандирован?!

Отделение наше занимается всевозможной морально-психологической дрянью в широком диапазоне – от проверки содержания пропагандистской документации в ПВД (пунктах временной дислокации) подразделений и безуспешной агитации местных товарищей до организации идеологических диверсий и обмена *военнопленными*.

Обратите внимание на последнее слово. Да, да, дорогие мои, именно так – мы тут воюем, а вовсе не проводим контртеррористическую операцию, как об этом принято говорить на высшем уровне. Операция предполагает выявление, локализацию, захват и разоружение (или уничтожение). А когда имеют место многолетние боевые действия с применением авиации и тяжелой артиллерии, большими потерями и регулярно пополняемыми рядами пленных с обеих сторон, это нечто иное.

Представьте себе такую картинку: провел какой-нибудь РУБОП операцию, а потом начальник звонит Феде Полупездову – главарю Суровозадроченской ОПГ, и, сыто икая после вкусного обеда, «трет» с ним:

– У нас трое ваших, живьем, пара трупов – еще не завоняли – и полтора кило героина. А у вас четверо наших еле дышат и захваченный вами на прошлой неделе «Форд» начальника ГИБДД. Подкатывайте завтра с утра к мясокомбинату, меняться будем. Гарант – Яша

⁶ Это вообще произвол – офицеров с некоторых пор на губу не сажают. Но в группировке существует зиндан – для крепко провинившихся и особо буйных хулиганов. Не отстреливать же их по законам военного времени!

Медведь. Чего? Обижает, братан! Героин в комплекте, даже не вскрывали. Все, бывай, привет супруге...

Яша Медведь – это цыганский наркобарон. У нас сажать наркобаронов – дурной тон, они в законе, поэтому возьмем его гарантом...

Что, дрянная картинка? Вот и я про то же. То, чем мы тут страдаем на протяжении последних нескольких лет, вовсе не операция, вы не верьте хлопцам с высшего уровня. Во всем цивилизованном мире это принято обозначать более коротким и емким понятием – война.

Теперь пара слов о том, чем мы с Васей и лихими чекистами занимаемся в данный момент.

Мы к обмену готовимся. Инициатор – местный удод, велеречиво именующий себя полевым командиром, Турпал Абдулаев. Только ни хрена он тут не командует, а развлекается рядовым для чечена бизнесом: гонит самопальный бензин, «перебивает» краденые тачки и с грехом пополам промышляет работоторговлей. Позавчера наши омовцы, зорки соколы, засекли очередной «самовар»⁷, поехали его рвать в рабочем порядке и напоролась на пятерых нохчей⁸, приставленных к агрегату. Хлопчики были при оружии, но до нормальных «духов» им – как от Гудермеса до Гондураса в коленно-локтевой позе, и потому позволили омовцам подкрасться незамеченными и внезапно атаковать. Результат: двое «двухсотых», двое «трехсотых» – в плен взяли. Один, самый шустрый, успел удрать.

Турпал быстренько «пробил» данные по группировке и направил к нам старейшин: у вас мой товар, у меня ваш, давайте свататься.

Товар точно оказался нашим: две прапорщицы и солдат-водила из родной двадцать первой. Все трое числились в «безвестно отсутствующих» – потеряли их немногим более двух месяцев назад, при нападении «духов» на тыловую колонну.

– Займитесь, – распорядился командующий, вызвав особиста, начальника разведки и нашего полковника. – И глядите мне – чтоб никаких там СМИ и прочих пресс-акул пера! А то понапишут опять всякой гадости...

Маленькая справка по специфике проводимого мероприятия – для тех, кто совсем не в курсе.

Спешу сообщить, что в штабах группировок вы не найдете палатки или кабинета с табличкой «Обмен военнопленными». На главной военной базе «Ханкала» нет отделения, отдела либо иной структуры, которая занимается координацией мероприятий, хоть как-то имеющих отношение к пленным. В архивах нет ни одной бумажки, где было бы упоминание об этой категории и каких-либо действиях, ее касающихся. Какие пленные, какие обмены? Войны нет – и пленных нет. Кстати, чем-то это напоминает ситуацию во время ВОВ 1941–1945 годов, когда кавказский пахан рулил нашей многострадальной Родины: там пленные, если помните, тоже были вне закона.

Таким образом, обмен военнопленными – дело сугубо интимное для каждого командира и начальника, который вынужден заниматься данным мероприятием. Мероприятие, ко всему прочему, еще и противозаконное – ты вступаешь в сношения не с официально признанной воюющей стороной, а с числящимися во всероссийском розыске бандитами и, дабы выволить своих братьев по оружию, выпускаешь на свободу отловленных накануне преступников, отдаешь обратно изъятое оружие, наркотики и так далее. И тот командир, который рискнул этим заняться, по сути, пускается в волюнтаризм и взваливает на свои плечи всю полноту ответственности за последствия. Высокое начальство – тоже люди, они понимают несурзность ситуации и смотрят на такого рода самодеятельность сквозь

⁷ Самодельный агрегат для перегонки нефти.

⁸ Самоназвание чеченцев.

пальцы. Но если вдруг там что-то не срастется... будь готов, самостоятельный командир, – вдуют так, что не только звезды брызнут, но и погоны отлетят к известной матери!

В общем, получили мы команду и сразу же начали работать. Времени немного, нужно успеть подготовиться. Хотя, грех жаловаться, условия вполне сносные. Инициатором обменов в подавляющем большинстве случаев выступает противная сторона (напомню – это их бизнес). Так вот, иногда бывает так, что звонит эта противная сторона часиков в восемь утра и безапелляционно заявляет: там у вас сидит такой-то Ваха, а у нас есть ваш боец с такими-то данными. В полдень подскакивайте к Старому Ачхою, меняться будем. И не опаздывайте, а то будем плохо обращаться с вашим парнем (читай – кирдык вашему парню! Ваху вы железно не пришьете, ежели зарегистрировали, а новый вариант для обмена мы всегда найдем).

А дальше – дебри. Ваха этот сидит в Чернакозове (СИЗО), оформляли его парни из ВрОВД (временный отдел) сугубо по уголовщине, и к войсковой операции он – никаким боком. Нужно успеть всех подряд обзвонить, законтачить с кем надо, пробиться на верхний уровень соответствующего ведомства или администрации для согласования (командующий официального распоряжения, обязательного к исполнению всеми приданными силами и средствами, не даст, Кадыров главе администрации района – тем паче!), потом спуститься вниз для решения вопросов на месте, а Чернакозово – это не совсем Ханкала, туда еще добраться надо. Затем от Чернакозова надо добраться до Старого Ачхоя...

А в собственно Старом Ачхое мы размениваться не будем – нохчи же не дураки, чтобы место заранее «светить». Там нас будет ждать посредник, который тотчас же наладится петлять, указывая дорогу. Так что если мы и успеем к указанному времени на место, то будем все в мыле, без рекогносцировки и разведки прилегающей местности, нахрапом, наобум, на авось. Авось удастся не угодить в засаду, по-быстрому разменяться и благополучно вернуться на базу. В общем, рискованно и неудобно.

В нашем случае дела обстояли немножко получше. Информашка поступила сегодня с утра, обмен – завтра. «Самоварщики» Турпала, живые и мертвые, – у нас, брали их приданные омовцы, провезли по какому-то недоразумению мимо местного отдела и сразу заехали на базу.⁹

Как готовится нормальный обмен? Понятия не имею. Нормальный – это, видимо, когда есть как минимум пара недель на оперативные мероприятия и противная сторона – благородные военные, блюдущие Женевскую конвенцию. То есть в случае вашего опоздания головы пленным отрезать не будут.

В общем, это не про нас. У нас, если враг подарил хотя бы один денек, подготовка сводится к обретению консенсуса с взаимодействующими органами, прогулке в ближайшую к месту обмена комендатуру и поверхностной рекогносцировке.

В этот раз надобность в консенсусе отсутствовала, и сразу после получения информации нас с Васей озадачили на предмет прогулки и рекогносцировки. Однако мы, служаки нерадивые, не убыли сразу, а чуток задержались по техническим причинам. В прямом соответствии с законом подлости, аккуратно перед самым выездом заглох Васин «бардак»¹⁰. А пока мы чинились, к нашим шефам пожаловали чекисты (особист «навел» – не иначе!). Договорились они на удивление быстро – Вася всего лишь дважды намекнул перепуганному водиле,

⁹ Омовцы не имели права тащить «самоварщиков» на базу: режим чипка не объявлен (ЧП, чрезвычайное положение), задержанных с оружием граждан положено доставлять и оформлять в ОВД. По закону гражданин может быть временно задержан и содержаться непродолжительный срок на военном объекте только в том случае, если он пытался проникнуть или напасть на оный объект. Ежели непонятно, для чего хлопцы притащили Турпаловых людишек на базу, намекаю: боевые уже с год платят через пень колоду, а мерзавцев этих, оформи мы их в ОВД, все равно отпустят, и через недельку они будут кушать шашлык, скучая у нового «самовара»...

¹⁰ БРДМ (боев. развед. дозор. маш.); жарг.

какой именно частью единого организма разведроты является он лично и его долбанутая железяка.

В результате убыли мы двумя часами позже, с уточненной задачей – заночевать в комендатуре и имея в составе группы лишнюю транспортную единицу («ГАЗ-66»), двух сотрудников ФСБ, замаскированных под рядовых бойцов, и... два трупа незадачливых «самоварщиков».

– Ну, это конкретная жопа, – насупился дополнительно озадаченный Вася. – У нас сегодня вечером футбольный матч-реванш с седьмым отрядом, а меня не будет...

По поводу чекистов и ночевки нам пояснили коротко и ясно: пока вы там с комендантскими будете шашлыки жрать и в нарды резаться, ребята втихаря займутся оперативной работой по вашему инициатору. Какой и как именно – вас не касается.

Обоснование предварительного вывоза трупов вообще показалось мне несостоятельным. Дескать, командующий собирается водить по базе журналюг и администрацию, ежели вдруг наткнутся – нехорошо получится. На базе, сообщу вам, можно без особого труда припрятать взвод цирковых слонов, фиг найдешь. Или не взвод – не помню, как правильно называется подразделение слонов.

Однако командование возражений не приняло.

– Берите трупики, поезжайте, работайте. А завтра мы с живыми подтянемся...

Чем наш обмен заинтересовал последователей жел. Феликса, ума не приложу. Объекты, что живые, что мертвые, – все родные, ни одного импортного наемника. Забавы развеселого Турпала целиком лежат в уголовной сфере, государственной безопасностью тут и не пахнет... Однако в нашей системе дурные вопросы снизу вверх принято оставлять без ответа, посему животрепещущей информацией никто со мной делиться не считал нужным, а попросту послали. Иди ты, сокол сизокрылый! Иди, блин, и занимайся своим делом...

Взяли мы чекистов, «66-й» с трупами и помчались. Приехали в Шалуны, привычно разделились по функциям: я – коменданта пытать на предмет личности Турпала и его дурных замашек, Вася с бойцами – кататься по окрестностям по поводу выявления мест предполагаемого обмена и вражьих засад. Чтобы бойцов не отвлекать на охрану, чекистов попросили пару часов посидеть в «66-м» с трупами. А чекисты, пинкертоны куньковы, самостоятельность проявили: наладились шастать по селу с целью «наведения мостов» и оставили машину у КПП¹¹ без присмотра.

И вышла, грубо говоря, залепуха – пока чекисты гуляли, местные товарищи сперли один труп. Отчасти в этом виноват и ваш покорный слуга, легкомысленно отнесся к заданию. Думал я так: Турпал – из Новых Матагов (соседнее село), значит, и людишки его тоже оттуда. Трупы не ходят вроде бы, куда, спрашивается, денутся? Оказывается – ходят. Оказывается, один из виновно убиенных – Руслан Шарипов, местный, из Шалунов. Как информашка об этом утекла к местным – другой вопрос, с этим еще разбираться надо, но факт налицо: утащили и тотчас же устроили похороны. У мусульман в отличие от нас не принято выжидать три дня, они хоронят покойников по мере поступления, до захода солнца.

Солнце заходит, я выхожу из комендатуры, Вася подъехал, чекисты подтянулись... На кладбище – делегация в пару сотен, смотрят злобно на оккупантов (это мы – оккупанты), три десятка дам из тейпа убиенного до утра будут причитать над могилкой и волосья на себе рвать.

Ннн-да... Ишаку понятно: пытаться выкопать труп – значит спровоцировать очередную гражданскую войну. Я по поводу развязывания еще одной гражданской войны полно-

¹¹ Военное суеверие: если есть возможность, транспорт с трупами в распоряжение части, подразделения или иной структурной единицы не загоняют, а оставляют за воротами.

мочий не имел, да и силовой расклад явно не в нашу пользу, – а потому крепко загрустил. В общем, получилось у нас любимое Васино выражение...

– А в чем, собственно, проблема, коллеги? – понаблюдав за публикой на кладбище, прорезался старший чекист. – Берем пару старейшин из тейпа Шариповых, везем на «стрелку» с Турпалом, они поясняют, куда делся труп... Ты чего лоб морщишь, психолог? Я в чем-то не прав?

Да прав ты, прав, потомок, мать его так, Феликса, – в данной ситуации это единственный выход. А лоб я морщу, потому что давно изучил особенности национальной психологии нохчей, и, пока ты наводил какие-то свои шпионские мосты, я «снял» у главного местного мента, знающего Турпала с детских лет, псих. портрет нашего инициатора и разжился массой новых данных о нем. И это не тебе, а мне придется завтра беседовать с данным инициатором. А полученная информация вкупе с моей многострадальной задницей почему-то подсказывают мне, что завтра все получится не совсем гладко. Что именно «не совсем»? Да мало ли! Например, психопатический затейник Турпал пошлет подальше старейшин чужого тейпа и начнет качать права по поводу несоблюдения нами условий обмена. А во что это может вылиться – мне даже и думать не хочется...

ГЛАВА 2

Абай Рустамов

(Дневник международного террориста Абая Рустамова.

Текст слегка отредактирован автором.)

Салам тебе и машалла, уважаемый читатель! Алла бисмилля, рахман аль рахим. Салам, если ты правоверный. Или даже не правоверный, но нерусский.

Если ты русский, тогда ты совсем не уважаемый, читатель. Тогда я твой рот е...л. И тебя е...л, и твою семью е...л. И семейный портрет, и гвоздь, на котором портрет висит! Придет день, и я на части порву своим железным членом твоих малолетних дочерей! Ух, как я их порву!!! В клочья. Чтоб твои волосы проросли внутрь, читатель, чтоб ты превратился в ишака немужеского рода и в таком виде попал в табун племенных жеребцов!!!

Но читать все равно можешь – разрешаю. Если в Америке какой-то недоделанный Акай Коллинз¹² написал книгу о своих подвигах, почему мне нельзя? Это наброски моей будущей книги. Если мне повезет остаться в живых, пусть весь мир потом узнает о приключениях великого абрека и хитроумного разведчика Абая Рустамова.

Так, что там у нас? У нас, как всегда, война. Утро, восемь часов. Туман, как обычно в Чечне в это время года. Сыро, прохладно. Рашид, Руслан, Мамед и Беслан ставят мины на дороге. Противотанковые. Я, Ваха и Мовсар – на прикрытии. Великолепная семерка, опытные моджахеды, непримиримые воины. Я и мои бойцы отменно обучены военному делу, имеем огромный боевой опыт, натасканы на диверсионно-разведывательную работу. Короче, настоящие горные рейнджеры, чеченский спецназ. Мой маленький отряд называется «Вервольф» и выполняет специальные задания. Вервольф – это такой огромный, страшно сильный и мудрый волк, который, когда надо, превращается в человека. Или наоборот. Волк у нас – уважаемый зверь, это наш символ. В ту ночь, когда рождается чеченец, щенится волчица. Это у нас такая поговорка. В общем, почетное название – нам все время приходится доказывать, что мы стоим его.

Вооружение у нас в соответствии с задачей: помимо взрывчатки, два «ПКМ», каждый с двумя коробками по 200 патронов (пулеметчики здоровые парни!), два пистолета с глушителями, четыре «АКС» с полным боекомплектом, «ВСК-94» (это мой личный «ВСК», я его с убитого собровца снял!) с оптическим прицелом, пять «мух» и тридцать гранат. Мы можем за минуту уничтожить целый взвод вонючих федералов. Аллах акбар, короче.

Мину поставить просто – если это заводская мина, а не самоделка. У нас это каждый подросток умеет. Тут ничего сложного: вывинтить пробку из мины, проверить, как сидит в «очке» прокладка, ввинтить взрыватель, подтянуть ключом. Потом установить мину в лунку, снять чеку взрывателя и резко надавить кнопку пускателя. Теперь только замаскировать мину, и все готово – можно уходить.

А! Где попало мину ставить не надо. Перед этим надо посмотреть, как федералы по дороге ездят, в какое время, в какой последовательности, систему вычислить, в общем. Выбрать нормальное место для установки. На асфальтированной дороге противотанковую мину ставить – только время и деньги зря тратить. Там всяко можно проехать, колесо может на мину не попасть. Где асфальт, там надо сбоку, на обочине, управляемый фугас ставить. Но это уже детали.

¹² Принял ислам, воевал на стороне моджахедов в ряде «горячих точек», в т. ч. и в Чечне.

Противотанковую мину лучше всего ставить на грунтовку. Федералы-дебилы почему-то любят грунтовки. Снизу идет нормальная трасса федерального значения, так они всегда поверху объезжают, по грунтовкам, которые между их РОПами и ВОПами лежат¹³. Типа, в зоне ответственности их, под присмотром. Ну дебилы, да что с них взять?

Эти грунтовки легко минировать. Там можно поставить мину в хорошем месте, где конкретно колесо транспорта пойдет: или в глубокой колее, или в выбоине, которую не объедешь, или в узкой впадине. Для страховки можно на обочине, рядом с выбоиной, вторую мину поставить. Опытный водила знает, что в выбоине можно мину поймать, станет объезжать – и как раз напорется. Короче – Аллах акбар.

В нашем случае сложность заключается в том, что минировать дорогу приходится в режиме жесткого цейтнота. Удивляетесь, почему абрек такой грамотный? Такие слова знает? Не удивляйтесь, я вам не чабан какой-нибудь, высшее образование имею. Я в девяносто пятом окончил Московский горный, диплом инженера получил. Не за бабки, сам учился, красный диплом дали. Выпускной отгулял и сразу домой поехал – воевать. Вообще сначала уезжать из Москвы не хотел, там хорошо было, девки классные, все нас уважали, мы себя круто там поставили. Однако пришлось: отец позвонил, сказал, что дядя стал шахидом¹⁴, теперь у нас кровная месть. Приехал, пошел в отряд, маленько повоевал. Уже потом увидел, что у нас здесь творится, насмотрелся, натерпелся, и война стала делом моей жизни. Смерть русским оккупантам!

Короче, про меня пока хватит. Давайте по делу. В общем, режим цейтнота у нас, времени – в обрез. Только что проехали саперы федералов, дорогу смотрели. И сразу же мой разведчик доложил – колонна вышла. Получается, пошли с интервалом в четверть часа с саперами. Значит, через несколько минут колонна подойдет.

Обычно сначала ИРД¹⁵ на всех участках, как рассветет, проходят весь путь, потом докладывают по рации, посмотрели, типа, все нормально, в промежутках между блокпостами выставили засады и заслоны – минеров-моджахедов отслеживать. А сверху, когда соберут все доклады, дают разрешение – можно пускать колонны.

Старший этой колонны сделал по-другому. Он прекрасно знает, что засады и заслоны практически нигде не выставляют, потому что боятся и людей не хватает, просто так докладывают, от фонаря. Если кто-то хочет минировать, запросто заминируют. Вот он и решил сразу вслед за ИРД идти – так, типа, безопаснее.

Федералы хоть и дебилы, но не совсем дураки. Саперы у них неплохие, натасканные, даже собаки специальные есть. Только старший колонны в этот раз промахнулся. Он расчет брал на пацанов и чабанов, которые за сто баксов мины ставят. Тем – да, тем надо много времени, неповоротливые они и неумелые. И рвутся часто, потому что самodelки ставят. А мы – спецназ. Мы заминируем дорогу за пять минут – как раз в промежутке между саперами и колонной, и так, что ни одна собака не заметит! И оборудование у нас – высший сорт. Первые две мины – «тээмки»¹⁶ с обычными «МВЧ», соединенные ДШ, плюс радиоуправляемый фугас. Две последние – те же «тээмки», но без «МВЧ», а просто с радиоуправляемым фугасом. Тут весь фокус в том, чтобы правильно расстояние рассчитать, и вторая закладка должна сработать под последней машиной в колонне. Но это мы умеем: наш разведчик торчал в этом селе две недели и между делом изучил порядок прохождения утренней колонны. Когда сработает передняя мина, последняя машина будет по инерции ехать еще несколько

¹³ Ротный, взводный опорный пункт (*аббр.*).

¹⁴ Погиб в бою с неверными.

¹⁵ Инженерно-разведывательный дозор.

¹⁶ Здесь: противотанковая мина «ТМ-62» с взрывателем «МВЧ-62». Нехитрое соединение детонирующим шнуром – наедет колесо на любую мину, сработают сразу обе.

метров. Кнопку можно нажать сразу или спустя несколько секунд – смотря где замыкающая машина будет находиться, поэтому расчеты не особо сложные.

– Готово, – доложил Рашид – саперы вернулись и заняли свои позиции. – Все нормально...

Я в бинокль изучил заминированный участок. Прицепиться не к чему – молодцы ребята. Четырем чабанам, чтобы такую сложную схему соорудить, надо пару часов, не меньше. Хотя чабаны никогда в жизни не сообразят, как это сделать, пусть даже их инструктор научит основам саперного дела. А мои саперы за пять минут управились. И хотя они заранее все приготовили, все равно это очень сложно. Профи! Я других не держу – у нас работа такая, что каждый боец должен быть мастером.

– Едут, – доложил сидящий на правом фланге Мовсар. – Все как надо, лишних нет.

Хорошо. Лишних нет. Это значит – БТР сопровождения, два АРСа¹⁷ и пустой «Урал» под продукты. Обычная утренняя колонна.

Что хорошего может быть в такой колонне? Ничего. Мой отряд такой мелочью никогда не занимается, есть дела поважнее. Эта забава как раз для неграмотных чабанов и подростков.

Но сегодня случай особый. Такой особый, что как раз только для таких спецов, как мы!

Село, что в трехстах метрах за нашими спинами, лояльно по отношению к федералам. Это они так любят называть – «лояльно». Типа, дружественно. Его никогда не бомбили, «зачисток» не делали, моджахедов оно не укрывает, федералов тут не взрывают, не нападают на них. Просто живет село, и все тут. Там все работает. Есть свет, газопровод нормальный (не как у всех – самоделка из скважины), администрация вкалывает, птицефабрика план перевыполняет, школа работает, даже клуб есть – кино показывают и концерты устраивают...

В общем – националпредатели. Это мы так называем. В то время как весь народ страдает, надрывается в непосильной борьбе с имперскими оккупантами, сельчане эти своей лояльностью и полным бездействием купили себе хорошую жизнь. Как их после этого назвать?

Знаете, что бывает, когда возле села происходит нападение на колонну? Жесткая «зачистка». Если кто не знает, что это такое, я скажу кратко: это полномасштабная карательная операция. После такой операции пропадают люди, есть раненые и убитые. Резко меняется отношение к федералам, и даже могут появиться кровники.

Вот это и есть первая цель нашего рейда. Мы просто наказываем националпредателей. И не только нападением на колонну. Нападение здесь всего лишь первый пункт, позже сами все увидите.

Вторая цель нашего рейда ничем не хуже первой, а может, даже и лучше. Хотя заранее это не планировали, узнали о ней три дня назад. Можно сказать, что тут сыграло стечение обстоятельств, повезло нам, иншалла!

Старший в этой колонне... большой московский генерал! Хитрый генерал, переодетый в форму старшего прапорщика. Ха! Юмор есть у него: три больших звезды поменял на три маленьких. Генерал-полковник, короче. Почему такой большой человек не летит, а едет в задрипанной колонне, как последний лай¹⁸? А тут все просто: в последнее время у нас еженедельно сбивают «вертушки», вот они и боятся летать, оккупанты. Жить хотят.

Генерал вообще молодец, его резон мне понятен. Во-первых, это страшная военная тайна, никто не знает. Во-вторых, такие беспонтовые колонны особо никому и не нужны, да и село мирное, безопасно тут. А у генерала предвыборная кампания – он губернатором хочет стать. И захотелось ему проехать в райцентр на собрание глав администрации и сделать

¹⁷ Авторазливочная станция. Обычно используется, как простая водовозка.

¹⁸ Ничтожество, раб (чеч.).

потом крутой репортаж: вот, мол, мы тут все контролируем, такая шишка не боится ездить без охраны, и вообще, я такой мудрый, бесстрашный и умелый руководитель!

Кроме того, на бэтээре сопровождения его личная охрана, переодетая в драные «комки», и в кузове «Урала» – тоже. В общем, замаскировались конкретно. Да и обманули вроде бы всех, график движения поменяли. Хитрый генерал!

Только одного он не учел – способностей нашей разведки. Я вам лишь намекну: не только у нас националпредатели имеются! Не только у ФСБ агентура есть. Однако об этом тоже немного позже расскажу. Сейчас колонна подъезжает, нам работать надо...

Колонна вышла из-за поворота. БТР, два АРСа, «Урал» – не «покемон»¹⁹ под перевозку личного состава, а обычный, тентованный грузовик. Все как обычно. Машины сократили дистанцию и немного прибавили ходу. Все правильно они делают: тут, конечно, безопасно, но в двухстах метрах от места минирования дорога заворачивает в лес. Там на въезде по идее хорошее место для засады. Федералы «вертушки» не вызывают – здесь всегда спокойно ездили, без прикрытия с воздуха, но на всякий случай страхуются, хотят разогнаться и проскочить на повышенной скорости опасный участок.

В том месте, где мы залегли, они засады не ждут. Это нелогично и тактически неграмотно: делать засаду на открытой местности, если совсем рядом есть лес. А федералы тактику знают!

Вот наш боевой порядок. Мы в пятидесяти метрах от дороги, сзади – село. Трава тут специально выжжена федералами на сто метров, полоса безопасности называется. Спрятаться совершенно негде, все просматривается. Немцы так тоже делали, когда с русскими воевали. А мы ночью вырыли окопы и тщательно их замаскировали жженым дерном. Я рано утром специально с дороги смотрел, заставлял бойцов все поправлять как надо. Маскировка удалась на славу – саперы федералов ехали с ослиной скоростью, останавливались через каждые сто метров, чтобы грунт щупать, и ничего не заметили.

Я в центре, с прикрепленным к стенке окопа перископом разведчика. Перископ – нехитрое приспособление из полой пластиковой трубы и зеркал. Нехитрое, но очень полезное. Представляете, если на выжженной местности из земли будет башка вервольфа торчать? Тотто федералы посмеются! Нет, не дадим мы им смеяться. Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

В руках у меня пульты управления. Чтобы не перепутать, в левой – кнопка пуска передней закладки, в правой – задней. «ВСК» аккуратно прислонен к стенке окопа, на глушителе – целлофановый пакет, чтоб земля не попала. Снимать не обязательно перед стрельбой, для пули тоненький целлофан не помеха.

Справа и слева от меня, на одной линии, с интервалом в семь метров – по паре стрелков, с «мухами» на изготовку. До моей команды они не высовываются: пятьдесят метров от дороги – это совсем немного, при взрывах мощных зарядов обязательно прилетит куча железа.

На флангах – пулеметчики. Справа в двадцати метрах – Мовсар. Слева, в пятидесяти метрах, уступом назад в сто метров – Ваха. Такое расположение опасно и требует большого мастерства от левого пулеметчика: он может работать только по левому флангу колонны, потому что наша передняя линия наполовину оказывается у него в секторе. Но все мои бойцы – профи, и мы предварительно тренировались. Так что смотрите, как все получится.

БТР сопровождения, набирая скорость, приближается к передней метке. Это мои саперы на обочине бросили по два-три старых битых кирпича, напротив обоих закладок.

¹⁹ Автомобиль с цельнометаллическим кузовом, бойницами для ведения огня и усиленной кабиной – новшество второй РЧВ (жарг.).

Как будто кто-то обронил ненароком. Если БТР пропустит под днищем основную мину и не наедет на запасную, надо будет рвать переднюю закладку.

Десантник, что сидит рядом с торчащей из люка башкой водилы, тычет пальцем в кирпичи и что-то кричит соседу. Глазастый!

Я осторожно выношу левую руку с пультом над окопом и, прижав ее к земле, направляю в сторону закладки.

Сосед глазастого пожимает плечами и машет рукой – ерунда, мол. Обычно пустые пластиковые бутылки на деревья вешают, они это знают. Молодец!

БТР поравнялся с передними кирпичами.

Ту-дух!!! – звучит оглушительный взрыв. Я по инерции закрываю глаза и разеваю рот. В ушах звенит. Ловлю уехавшее в сторону зеркало перископа, освободившейся левой рукой поправляю трубу...

Вай, Аллах акбар!!! БТР перевернуло на обочину, он скрыт клубами черного дыма. Быстро перевожу перископ вправо, ловлю в сектор замыкающий «Урал». Машины продолжают движение, прошло три секунды с момента подрыва, никто еще не успел ничего сообщить. «Урал» уже заехал всей кабиной за заднюю метку... еще бы пару секунд – и опоздал!

Я жму на кнопку правого пульта.

Ту-дух!!! – над окопом свистят осколки, перископ куда-то улетает, что-то больно впирается в безымянный палец.

Осторожно высовываю голову... Аллах акбар! Кузов «Урала» порвало на части, машина объята пламенем. Из кузова на дорогу валятся горящие фигуры, вопят и бестолково мечутся прямо на дороге. Ях!²⁰ Выдергиваю из руки крупный корявый осколок – ерунда, кусок мяса оторвало, и команду во весь голос:

– Огонь!!!

Стрелки мои вскакивают на ноги, целятся и выпускают по колонне четыре «мухи». Получается немного вразнобой, но все попадают куда надо. Цели: подбитый БТР – для страховки, АРСы и горящий «Урал». Хлопки взрывов звучат как автоматная очередь, колонна озаряется вспышками, в разные стороны летят хлопья черной копоти.

– Гоу, гоу, гоу!!! – кричу я, как в американском боевике, и тотчас же припадаю к прицелу своего испытанного «ВСК».

Оставшиеся в живых федералы отползают к противоположной от нас обочине – там у них шум, крики, вопли о помощи. Короче, нормальный бардак, как при любом внезапном нападении.

– Гоу, гоу, гоу!!!

Мои бойцы покидают окопы и во всю прыть мчатся к селу. Им надо преодолеть на открытой местности двести с чем-то метров – там, дальше, глубокая балка в обход села. Это очень опасно: если у федералов кто-то в состоянии вести прицельный огонь, могут перецелкать, как щенят. Но такой марш-бросок входит в план, надо показать направление отхода и отвлечь от основного действующего лица. Основное лицо – это я. Моя задача сейчас – опознать генерала. А бегущим моджахедам и мне помогут пулеметчики. Давай, пулеметы!

Та-та-та!!! – слаженно включились в общую карусель боя пулеметчики. Мовсар долбит обочину за горящим «Уралом», Ваха методично обрабатывает подбитый БТР. Их основная задача – добить охрану генерала. Эти самые опасные. Остальные нам не страшны.

Я бегло шарю прицелом под машинами, оцениваю обстановку. Все продумано, местность ровная, как стол, окопы на одном уровне с дорогой, так что все, кто отполз на обочину, в моем секторе.

²⁰ «Ях» – не просто возглас. Это экстатическое состояние наподобие боевого транса. Можно сравнить с вульгарным русским «А мне все по х...!!!».

Довольно быстро нащупываю генерала. Я его фотки в трех ракурсах сутки напролет изучал, запомнил как родного. Сейчас он на себя мало похож, весь в копоти, но легко узнаваем. Кроме того, он старый, а два солдата рядом совсем молодые, запросто можно различить.

Генерал, оказывается, ехал в первом АРСе. Он, видимо, ранен, но не сильно, и даже пытается действовать – прижимает ИПП к окровавленной голове лежащего рядом солдата и орет что-то на левый фланг. Это на их левый. Наш, соответственно, – правый.

Отвлекаюсь на пять секунд: там, на их левом, беспорядок. Кто-то там бестолково палит во все стороны, кто-то целенаправленно ползет в тыл, а один вообще успел оклематься и дал пару прицельных очередей в сторону Мовсара. Молодец, хороший воин. Контузия, ожоги – все побоку. Уважаю таких. На тебе, уважаемый!

Шлеп! – мой «ВСК» едва заметно толкает прикладом в плечо, уважаемый уткнулся носом в землю.

Шлеп! Шлеп! – успокоил ползуна и того, кто беспорядочно палил. На всякий случай.

Пулемет слева умолк. Ваха меняет коробку. Я ныряю в окоп – так задумано. Над головой сочно свистят пули: Мовсар покрыл простаивающий участок брата, сыпанул веером в ту сторону.

Та-та-та! – спустя пять секунд экономно гавкнул пулемет Вахи – я опять в строю, можете продолжать.

Я опять возникаю над окопом, ловлю в прицел генерала. Шайтан! Башку за колесо спрятал. Но это ничего – это не страшно.

Шлеп! Шлеп! – я дырявлю тело генерала двумя выстрелами. Тело напрягается, затем обмякает, из-за колеса свешивается седая голова.

Шлеп! – голова трескается, как спелый арбуз.

Спи спокойно, хитрый генерал. Всех обманул, перехитрил... но Смерть не обманешь, она всегда возьмет свое. Подтверждаю – держался достойно. Перед лицом смерти не забился в угол, оказывал помощь солдату, умер, как подобает настоящему мужчине. Было бы у вас таких побольше, война давно бы кончилась.

Все, нам тут делать больше нечего.

– Пошли!!!

Я выскакиваю из окопа и во всю прыть мчусь к балке. Мовсар тоже покидает окоп и бежит за мной. Пулемет тяжелый, но Мовсар – здоровый бугай, быстро догоняет меня, хотя умудряется делать зигзаги и даже слегка качать на ходу маятник.

Та-та-та-та-та!!! – Вахин пулемет, как только мы выпали из его сектора, заработал длинным очередями, наспиговывая колонну свинцом.

Я маятник не качаю – Мовсар старается напрасно, и так неслабо прикрывают.

Спустя полминуты мы сваливаемся в балку. Пулемет слева переходит на куцые очереди: Ваха покидает окоп и пятится назад. Ранее отступившие бойцы давно изготовились и теперь открывают огонь конвейером²¹, поливая колонну трассерами. Стреляют по машинам. Между колес шевелятся несколько федералов, мы могли бы добить, но у нас другой план. Это – свидетели. Они должны рассказать своим, откуда на них обрушилась беда.

²¹ Сразу оговоримся: нашим военным преподам, которые в учебных центрах выдают по двенадцать патронов на выполнение упражнения (ха-ха три раза), это покажется диким... Первый номер жмет на спусковой крючок, пока не выстрочит весь магазин (три секунды), второй начинает вслух считать «22, 23» (две секунды) и тоже жмет, третий считает «22, 23» и так далее. Для конвейера достаточно троих, или пары, но с магазинами от «РПК» (45 патронов). Уже на третьем первый номер успевает поменять магазин и опять включиться в огневой шквал. Получается непродолжительное (стволы раскаляются, да и боекомплект вылетает за минуту!), но очень плотное и непрерывное прикрытие: не то что прицельно стрелять по отходящему противнику нельзя – головы не высунешь из-за укрытия! (Из личного опыта.)

– Вот он я! – Ваха тяжело плюхается в балку, на лице блуждает счастливая улыбка. Уходить последним с поля боя, прикрывая братьев, – это почет. Не важно, что самое главное сделал командир! Сегодня Вахин день, и каждый в отряде понимает это.

Ну вот – все в сборе. Теперь по балке пятьсот метров, в обход села. Там ждет группа прикрытия на двух джипах.

Все, самая главная часть операции позади. Хорошо поработали, все получилось как надо. Аллах акбар...

ГЛАВА 3 Команда

«...Сводка²² о состоянии оперативной обстановки в Чеченской Республике на 24 августа 2002 года.

За истекшие сутки оперативная обстановка в республике существенных изменений не претерпела.

Проводились мероприятия, направленные на пресечение диверсионно-террористической деятельности организованных преступных групп и отдельных террористов. Одновременно с этим продолжалась работа по раскрытию преступлений уголовного характера.

Установлено, что уничтоженные 22 августа с. г. в Наурском районе при установке фугаса Азаров Айдарбек и Исаев Расул входили в банду Абдул-Малика (он же бандглаварь В.Смирнов) и причастны к убийству главы администрации ст. Калиновской Дунаева Х. А.

За прошедшие сутки проведено 6 спецопераций – в Ножай-Юртовском, Грозненском, Гудермесском, Шалинском и Ачхой-Мартановском районах. В результате спецопераций в различных районах республики уничтожены 28 боевиков, оказавших вооруженное сопротивление.

По сообщению жителей некоторых сел Ачхой-Мартановского района, занимающихся полевыми сельхозработами и выпасом скота, были получены данные о движении банды в сторону н. п. Бамут. В ходе разведывательно-поисковых мероприятий на южной окраине н. п. Бамут были заблокированы и уничтожены 25 боевиков. С целью удостоверения личности в селе был проверен 21 человек. После окончания проверочных мероприятий все переданы под роспись представителям органов местного самоуправления, задержанных нет. В ходе оперативно-поисковых мероприятий обнаружены и уничтожены методом подрыва 3 тайника с оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами.

Сотрудниками криминальной милиции оперативной группировки МВД РФ Октябрьского района г. Грозный задержаны участники НВФ «ДЖАМААТ», члены бандгруппы Баштарова М. И. (позывной – СИДИК, убит при боестолкновении в марте т. г.); Арсукаев М. А., Ахмадов И. Ю., Жаббаев А. Задержанные подозреваются в совершении ряда террористических актов на территории г. Грозный, среди них:

1) в сентябре 2001 г. в Октябрьском районе г. Грозный – подрыв на радиоуправляемом фугасе БТР-80, сопровождающего гуманитарный груз. В результате подрыва 10 сотрудников милиции получили ранения;

2) в октябре 2001 г. в г. Грозный – подрыв на радиоуправляемом фугасе автомашины «Урал» с сотрудниками ОМОНа УВД Омской области. В результате подрыва один сотрудник погиб, 3 сотрудника получили ранения различной степени тяжести. Проводятся дальнейшие мероприятия по проверке причастности задержанных к другим преступлениям, а также устанавливаются местонахождения и проводится задержание других членов бандгруппы.

В ходе расследования уголовного дела, возбужденного по факту убийства 26 июня т. г. главы администрации ст. Гребенской Шелковского района Шашмудинова Александра Нажмедиевича, было установлено, что пули и гильзы, изъятые с места боестолкновения в ст. Шелковская в середине июля т. г. и с места убийства главы администрации, по заключению баллистической экспертизы, идентичны. Оружие и боеприпасы принадлежали

²² Здесь и далее: официальные сводки, любезно предоставленные пресс-центром, – все как есть, ничего не придумывал. Просто хочу наглядно проиллюстрировать обстановку, в которой работают наши развеселые хлопчики.

убитому лидеру БГ Елгушиеву Тахиру Юнусовичу (кличка Мамлюк). Проводятся следственные действия по сбору дополнительных доказательств по причастности Елгушиева Т. Ю. к совершению данного преступления.

На территории республики проводилось несколько специальных операций и адресных проверок, обнаружено и уничтожено 5 тайников с оружием и боеприпасами.

В лесу на окраине с. Бачи-Юрт Курчалойского района обнаружен тайник, в котором находились: 10 гранат «Ф-1», ручной противотанковый гранатомет «РПГ-7В» и выстрел к нему. Боеприпасы уничтожены на месте.

На южной окраине с. Исай-Юрт Ножай-Юртовского района в заброшенном доме обнаружен тайник, в котором находились: 2 мины кал. 82 мм., 4 тротильные шашки 200 гр., 3 гранаты «Ф-1». Боеприпасы уничтожены на месте путем подрыва.

У разрушенного завода «Красный молот», г. Грозный, обнаружен схрон, в котором находились свыше 2 тысяч патронов к автомату.

По сообщению бывшего члена НВФ, явившегося с повинной в правоохранительные органы, в карьере с. Верхний Наур, в 300 м. от дороги Знаменское – Надтеречное, обнаружен тайник, в котором находились: 4 гранатомета «РПО-А», 24 выстрела гранатомета «РПГ-7», пороховые заряды «РПГ-7» – 18 шт., 5 самодельных взрывных устройств, свыше 11 тысяч патронов, подствольный гранатомет, 45 гранат к подствольному гранатомету, свыше 100 детонаторов различной конструкции, снайперская винтовка в чехле, 4 автомата, 9 противотанковых мин, радиостанция, парик темно-русых волос, лист бумаги со схемой соединения радиодеталей, бухта промышленного детонирующего шнура длиной 46 м, 600 брикетов аммонала, запаянных в пластиковые пакеты, спецмаски, наручники. Проводятся мероприятия по задержанию лиц, оборудовавших схрон.

Перекрытие каналов финансирования НВФ:

Всего в ходе мероприятий по перекрытию канала финансирования бандформирований, а также в целях защиты экономики республики за истекшие сутки обнаружено и уничтожено путем подрыва и демонтажа 38 мини-заводов по незаконной переработке нефти, задержано 5 бензоаппаратов, изъято 14,2 тонны ГСМ.

Задержана автомашина «КамАЗ-4310», водитель которой скрылся. В ходе осмотра автомашины установлено, что на ней незаконно перевозилось 8 тонн нефти. Проводятся ОРМ по установлению принадлежности автомашины и лица, осуществлявшего незаконную перевозку нефти.

В г. Грозный задержана автомашина «ЗИЛ-4331» под управлением гр-на 1968 г. р., прож. с. Курчалой, который незаконно перевозил 2 тонны нефти.

Сотрудниками РОВД Аргунского района задержана автомашина «Газель», водитель которой незаконно перевозил 2 тонны дизельного топлива без соответствующих документов. По данному факту проводится дополнительная проверка.

Сотрудниками ОВД в ходе проведения ОПМ досмотрено 14 492 единицы автотранспорта, проверено 28 407 человек.

Помимо вышеперечисленного, в результате проведения плановых мероприятий по обнаружению тайников с оружием и боеприпасами за прошедшие сутки изъято: 5 автоматов, 8 гранатометов, «СВД», охотничье ружье, 6352 патрона, 25 гранат, 22 мины, 10,2 кг ВВ, 84 выстрела к гранатомету, 15 снарядов, 9 «СВУ», 18 запалов, 118 детонаторов.

Временный пресс-центр МВД РФ в Северо-Кавказском регионе...»

* * *

– Ну вот – ваши апартаменты. – Сопровождающий майор из штаба – стройный красавец с румянцем во всю щеку, прислонил рюкзак с канцпринадлежностями к воротному столбу и поспешно вышел через калитку. – Я пошел.

– Куда ты, майор? Пошли, присядем, потолкуем. У меня коньячок...

– Нет уж, спасибо. – Майор опасно покосился на левый модуль, стены которого как-то странно потряхивало. – Я уже тут был. Хотел данные уточнить – кого куда по применению...

– И что?

– Что, что... Послали.

– Куда послали?

– Хм... куда! Известно куда. И сказали не возвращаться.

– Да ладно, не бери в голову! Я тут начальник, так что...

– Вот-вот! И начальствуйте на здоровье. – Майор ехидно хмыкнул. – А я пошел – у меня работа стоит. Если будет время, зайдите ко мне, как в штабе будете. По применению разберемся... Да, там у особистов²³ компьютер пылится – вам выделили. А у вас тут дизеля нет... Куда втыкать будете? Может, мы его себе...

– Дизель будет, – заверил Иванов. – Так что не сочтите за труд, пришлите. Втыкать – не проблема.

– Хорошо, пришлем. – Майор, похоже, слегка обиделся на такое жлобство. – Копии дел²⁴ и список подошлю после обеда. Наши-то в комплекте, а вот на смежников пока нету, ждем...

Земельный удел, определенный под «хозяйство» команды, располагался в юго-западной оконечности лагеря. Символический забор из палаточных кольев и выцветшей за лето двойной масксети ограждал небольшой участок, который полковнику контрразведки Иванову надлежало прямо сейчас, с ходу, принять под свое потрепанное крыло.

Вообще-то такого участка полковник не желал. Когда летел сюда, обещали, что команде выделят стационарное помещение в сорок второй дивизии, две комнаты в нормальном общежитии и кормить будут в офицерской столовой. Но, как всегда, обманули. В армии вообще любят обманывать: это такое наше военное хобби.

Участок выглядел брошенным. Обещанные новые палатки отсутствовали. Два обшарпанно-щелястых жилых модуля – небольшие сборно-щитовые домишки на две комнаты; распахнутый настезь пустой кунг от кашээмки; крохотный шиферный навес для дизеля, покосившийся шиферный же сортир; ржавая бочка на трех ногах – типа, душ; турник и полуобвалившаяся узкая траншея, заканчивавшаяся слабым подобием блиндажа.

Справа от ворот торчало транспортное средство: старенький «66-й» с лысыми покрышками и рваным тентом, в кузове которого угадывались какие-то ящики. Под распахнутым задним бортом, на земле, валялась незачехленная телескопическая антенна.

А еще тут, рядышком, таилась здоровенная «неудобь» – бывалый взгляд сразу же выхватил ее наличие из окружающей обстановки. «Неудобь» была представлена батареей саушек²⁵, окопавшихся в тридцати метрах от места дислокации команды. Кто не в курсе, сообщаю: батареи при штабе объединенной группировки в профилактическом режиме рабо-

²³ Сотрудники военной контрразведки, офицеры особого отдела (ведомственная подчиненность – ФСБ).

²⁴ Личные дела офицеров хранятся в ППД (пунктах постоянной дислокации). В район выполнения СБЗ дела не возят, при необходимости составляют копии по запрошенным данным.

²⁵ 152 мм САУ «акация», самоходная артиллерийская установка.

тают исключительно по ночам, когда людям положено спать. И, если вы находитесь в радиусе трехсот метров от этого безобразия, возникает устойчивое ощущение, что вас накрыли огромным колоколом, по которому банда кузнецов-хулиганов со всей дури лупит своими неподъемными кувалдами.

Сейчас саушки молчали и выглядели вполне мирно. Но полковник контрразведки – человек донельзя бывалый, этим обстоятельством вовсе не утешился, а, напротив, произвольно скривил жуткую гримасу. Тридцать метров от батареи – это, я вам скажу...

– Ничего, перебьемся. – Иванов гримасу уничтожил, окинул унылым взглядом свои владения и насильственно подпустил в тон порцию казенного оптимизма. – Главное не в этом. Главное – люди!

Люди присутствовали. Заглянув в кузов, Иванов обнаружил два рыхлых тела в камуфляже с погонами прапорщиков. Тела смердели чесноком, сельдью и страшным перегаром и признаков жизни не подавали. При попытке нащупать пульс одно из тел вяло лягнуло ногой правый борт и отчетливо порекомендовало:

– И-нна!!!

– Это вы мне, полковнику?!

– Нна! – подтвердило тело, поворачиваясь на другой бок, и тотчас же захрапело фистулой.

Слегка расстроившись, Иванов бросил сумку с вещами возле машины и отправился исследовать территорию. Надо будет блиндаж подправить, дверь соорудить, с замком. И за такие выкрутасы – под арест!!! Распустились тут, понимаешь...

Жилые модули располагались к калитке задницей – двери были с обратной стороны. В том, что слева, происходило что-то нехорошее: тонкие стены сотрясались от ударов, раздавался топот – словно табун лошадей запустили.

Послушав с полминуты, житейски опытный полковник определился: дерутся. Но душераздирающих криков не слышно. Возможно, силы на исходе, не до криков. Значит, не на жизнь, а на смерть. Возможно, дело и до оружия дойдет – если крепко пьяные. А это совсем нехорошо: стенки тонкие, даже табельный пистолет прошьет навывлет.

Обходя опасную зону со стороны правого модуля, полковник вспомнил инструктаж в округе и неприятно озаботился.

– Орлов тебе подобрали – закачаешься. Каждый мастер своего дела, профессионал с большой буквы. Но есть маленький нюанс. По рекомендации оттуда, – начальственный тык пальцем в потолок – да, именно оттуда рекомендации, – ... вот по этим самым рекомендациям... каждый из твоих орлов, помимо всего прочего, маленько того... ну, не совсем псих, а так себе... короче – человек-война, полный чеченский синдром. Не гонят к чертовой матери исключительно из-за высокого профессионализма. Командиры и начальники с огромным удовольствием от них избавились – никого упрашивать не пришлось. В общем, головорезы. Извини – это не наша затея...

На крылечке ходившего ходуном модуля сидела миниатюрная блондинка в камуфляже и кроссовках и сосредоточенно курила, пустым взглядом уставившись вдаль.

«Донтабак, – у Иванова на эти дрянные сигареты была устойчивая аллергия. А дамочка – ничего. Тридцати нет, симпатичная. Пальчики холеные, маникюр, стрижечка, опять же... И не пьяная вроде. Познакомиться бы, да обстановка того... не того».

– Дерутся?

– Угу.

– Давно?

– Да уж минут десять.

– Десять? Богатыри! Здоровьем бог не обидел. Нормальные люди давно бы уже выдохлись.

– Угу. – Дамочка стряхнула пепел Иванову на ботинок и задумчиво изрекла: – Вот так с ходу человеческую натуру не исправить. Переделке не поддается. Чего уж там, миллионы лет бегали с дубинами... А тут, за три-четыре века... Не-а, никак. Как минимум еще тысячу лет цивилизации – тогда, пожалуй...

– Стрелять будут?

– Стрелять? Нет, не будут. Все трезвые.

– Ну, и на том спасибо... Из-за вас дерутся?

– Вроде бы нет – повод был вполне нейтральный. Но, несомненно, я сыграла роль провокационного фактора. Женщина в воинском коллективе... Каждый хочет показать себя самым сильным, умным, значимым...

– Ладно. – Иванов подал даме руку, приглашая встать. – Мне войти надо. А вы бы того... шли бы вы к себе, провокационный фактор. Вы со связи?

– Я отсюда. – Дамочка от руки отказалась, пружинисто встала и, щелкнув пятками кроссовок, представилась: – Капитан Васильева. Федеральная служба безопасности. Электроника, приборы, связь. По легенде – военврач. А вы наш командир?

– Ну ни фиги себе! – Лицо Иванова вытянулось от удивления. Женщина в такой команде – полный нонсенс. Это кто же придумал такое?

– Я не хотела – направили, – поспешила сообщить дамочка. – Мне и в Моздоке было неплохо – командировочные те же, а боевых все равно не платят. Но вы не расстраивайтесь – я все умею.

– Черт... ну вы это... хотя бы удалитесь куда-нибудь. – Иванов растерянно огляделся – куда тут удалиться, совершенно непонятно. – Пока я тут разберусь... с этими.

– Да вы заходите, не стесняйтесь. – Дамочка вежливо уступила дорогу. – Они вполне управляемые. И, в общем, не дерутся, а так – силами меряются. Пойдемте, я вас представлю. Полковник...

– Иванов. – Иванов решительно распахнул дверь. – Не надо представлять. Побудьте здесь, я сам...

Внутри модуля царил полумрак: небольшие оконца из потресканного плекса давали скудное освещение. А еще тут, помимо полумрака, царил весьма специфический аромат, состоявший из смеси ядреного пота и анаши.

В ближнем правом углу были свалены вещмешки и дорожные сумки, на которых возлежал средних габаритов дремотный мужлан чуть за сорок – ровесник Иванова. Мужлан был бос, обрит наголо, одет в линялые штаны от «афганки» и табельную майку с прозеленью, даже не второй свежести. На левом плече бледненькая татушечка: оскалившийся тигр и надпись «ОКСА», на шее – грязная марлевая повязка.

Мужлан был занят сразу тремя делами – посасывал гигантскую козью ногу с шалой²⁶, лузгал семечки из трехлитровой банки, мастерски сплевывая на сторону, и внимательно наблюдал за поединком.

Поединщики были представлены двумя крупными экземплярами, разница в возрасте и весе, соответственно, примерно десять лет и пятнадцать кило. Камуфляжные штаны, мокрые от пота табельные футболки, багровые физиономии. Что характерно, как и мужлан с шалой, оба босые. Слева от входа стояли в ровненькой шеренге три пары кроссовок – две сильно ношенные, одна совсем новенькая, рядом лежало оружие и «разгрузки» с боеприпасами, также в трех экземплярах.

Ратоборствующие топтались во втором отсеке, пыхтели как паровозы – устали порядком, и постоянно перемещались, мелькая то в межкомнатном дверном проеме, хронически лишенном двери, то в большущей неровной дыре слева. Это доставляло мужлану на

²⁶ Марихуана (*местн.*).

вещмешках изрядное неудобство: чтобы быть в курсе, приходилось водить лысым черепом справа налево. Шея, видимо, не работала, двигался весь корпус, и оттого мужлан был здорово похож на китайского болванчика – у Иванова был такой в детстве, когда жил с родителями в Харбине.

– Ты кто? – покосившись на пришельца всем корпусом, поинтересовался мужлан.

– Петрович я, – ответил Иванов, с ходу подстраиваясь под обстановку. Ясный пень, тут буром переть и на горло брать – только делу вредить. Можно в дыню схлопотать, а то и увечье получить. Увечья Иванов не любил, у него на госпиталя, как и на «Донтабак», была устойчивая аллергия.

– Глебыч, – кивнул мужлан и протянул гостю самокрутку. – Ммм?

– Не курю. – Иванов изобразил благодарственный жест и ткнул пальцем в сторону драчунов: – Молодой хорошо держится. При такой разнице в весе...

– Это Гесс хорошо держится, – с ленивой растяжкой опроверг Глебыч. – Если б не опыт, пацан бы давно его уж утоптал – смотри, какой прыткий. А ты кто, Петрович?

– Человек я. Православный.

– Не, это понятно. А че пришел?

– Да так... командиром к вам направили. Вот, хожу, осматриваюсь.

– Гхм-кхм... – Глебыч аккуратно притушил самокрутку об стену, поставил банку на пол, встал и, застегнув верхнюю пуговицу на ширинке, рывкнул: – А ну, хорош скакать! Командир пришел!

Младший драчун понял команду буквально: тотчас развернулся и изобразил строевую стойку, прижав руки к бедрам.

– Оп! – Старший – опытный воин, воспользовавшись моментом, коварно лягнул соперника в пах.

Соперник, побледнев, скрючился и рухнул на колени, схватившись за промежность.

– Оп! – Опытный воин легонько добавил кулачищем по затылку, повергая соперника ниц, и наступил ногой на горло. – Пи...дец! «Двухсотый».

– Хррр!!! – Молодой пустил пузыри и слабенько шлепнул ладонью по полу – сдаюсь, мол. «Двухсотый» так «двухсотый».

– Ладно, живи, – разрешил старший, убирая зловещую стопу с горла поверженного и протягивая ему руку. – Правило номер один: хороший враг – мертвый враг. Сражайся, пока не убедишься, что он труп. И ни на что не отвлекайся! Пусть небо обрушится на землю – отвлекаться нельзя, пока не убедишься, что твой враг отдал концы. Вставай давай – че разлегся!

– Подполковник Васильев, – представился Глебыч. – Семен Глебович. Инженер.

– Родственник, что ли? – Иванов удивленно приподнял правую бровь и кивнул на дверь.

– С кем? А, с этой... Не, однофамильцы.

– Понял. – Иванов почесал затылок и с интересом уставился на инженера. Про Глебыча он был наслышан, это уникал в своем роде, но видел в первый раз. Вот, значит, ты какой, пятнистый олень...

– Майор Петрушин, – напомнил о себе победитель турнира, сделав два строевых шага к гостю и энергично стукнув себя подбородком в грудь – чуть шею не вывихнул. – Евгений Борисович. Можно просто – Женя. Седьмой отряд. Чемпион команды по эрбэ²⁷. Салага не возражает?

– Гхрр... – Салага, шатаясь, поднялся с пола и томно кивнул – чемпион так чемпион. – Кхе-кхе... Лейтенант Кочергин. Кхе-кхе... Сергей. ГРУ. Кхе...

²⁷ Рукопашный бой (сленг).

– Очень приятно. – Иванов поочередно со всеми поручкался, чуть дольше положенного задержав взгляд на Петрушине – о подвигах этого типа он также был наслышан. Вот это порезвилось руководство! Не команда, а кунсткамера какая-то... – Гхм... Полковник Иванов. Сергей Петрович. Контрразведка округа. Эмм... Васильева!

На зов явилась задумчивая капитанша. Встала у двери, ручки сложила на груди, носик сморщила. Да, воняет тут у вас. Одно слово – варвары.

– Как звать?

– Лиза.

– Бедная?

– Есть такой грех. – Лиза со вдохом поправила прическу, шагнула к оконцу, легонько толкнула его – вывалилось, на фиг, вместе с рамой. Проветривание помещения называется. – Бедная Лиза, да... Была б богатая – разве торчала бы тут с вами?

– Ничего, у вас еще все впереди, – обнадежил Иванов. – Ну вот. Завтра к утру еще двое подтянутся – и команда в сборе. Так... Должна еще быть группа маттехобеспечения: два прапора и водила – сверчок²⁸. Те, что в кузове лежат... это оно?

– Возможно, – опять враспяжку произнес Глебыч. – Но не факт.

– Не понял?

– Когда мы пришли, оно уже тут стояло, – объяснил Петрушин-победитель. – Оно лежало. Оно уже такое было.

– А сверчок?

– Не было, – утвердительно кивнул корпусом Глебыч. – Точнее – не видели. Лиза, водилу не видела?

– Не видела. – Лиза высунула носик в оконце и вздохнула полной грудью. – Но он был.

– Откуда данные? – прицепился Глебыч. – Ты ж не видела?

– Прапорщики пьяные, в кузове, машина заехала недавно. Она что – сама по себе заехала?

– Логично, – согласился Иванов. – Ладно, разберемся. Так... Так-так...

– Что будем делать, командир? – подсказал Петрушин.

– Жить будем, – оптимистично заявил Иванов. – Прежде всего приведем в порядок быт. Потом все остальное.

– С кем жить? – Петрушин недвусмысленно облизал Лизу призывным взором. – Где и как жить?

– Я, Глебыч и психолог – завтра с утра подтянется – в этом гадюшнике, – определился Иванов. – Товарищ Петрушин, представитель спецназа ГРУ и еще один разведчик – с утра подтянется – во втором гадюшнике...

– Я не представитель, – заскромничал побежденный лейтенант. – Я уже объяснял коллеге, что спецназ ГРУ – небольшая частичка ведомства. А я офицер аналитического отдела...

– Да я и говорю, взвэшный спецназ – круче гэрэушного! – не в тему подбоченился Петрушин. – Били и будем бить...

– Короче! – слегка возвысил голос Иванов. – Мы теперь все в одной упряжке. Попрошу без этого... без всякого. Лиза у нас за связь отвечает – обустройтесь в кунге кашээмки. Дырчик²⁹ мы вам закажем. Вот, собственно...

– Прапора и контрактер? – напомнил Глебыч.

– Блиндаж. – Иванов мстительно прищурился. – Как проспят, пусть обустраиваются. Предупреждаю всех: спиртное употреблять только по моей команде. Я не аскет, на горло

²⁸ Сверчок, контрабас, контрактер – в/сл по контракту (*жарг.*).

²⁹ Бензоагрегат, генератор электричества.

наступать не стану, но прошу соблюдать некое подобие офицерской этики. И еще... Глебыч, я не курю.

– Нет проблем. – Глебыч ленивым щелчком шибанул «козью ногу» в оконце. – Вы не думайте, я не злоупотребляю. Так – балуюсь.

– Ну и славно. А зачем майора обидели?

– Крыса штабная. – Петрушин презрительно оттопырил нижнюю губу. – Писарчук. Чмо, короче.

– Ну и что – писарчук? Каждый труд достоин уважения. Нормальный парень, без чванства – вон, мешок помог нести...

– Да хам он. – Глебыч почесал нос. – Правильно обидели. Пусть спасибо скажет, что в дыню не выписали...

– В смысле – хам?

Инженер охотно пояснил суть штабного хамства. Оказывается, майор на вполне миролюбивый вопрос сидевшего без знаков различия Глебыча «Ты кто?» побагровел, вытянул руки по швам и рявкнул, что он офицер штаба объединенной группировки. И попросил не тыкать. Ну и послали, естественно. А! Еще Петрушин предложил пари, что уделает майора за четыре секунды – в спарринге, без обуви. То есть четыре секунды от команды «понеслась!!!» и до отправки вышепоименованного майора в полный нокаут. Но это же была шутка – понимать надо...

– Ну и хрен с ним, – подытожил Иванов. – А теперь за работу, братья... гхм... и сестрички...

Распределив соратников по участкам работы, Иванов потер руки и приготовился наблюдать, как эти асы ратного дела будут выглядеть в роли уборщиков. Согласитесь, момент весьма пикантный, не каждый день приходится видеть, как майор и подполковник машут веником!

Увы, чуда не произошло. Пока Лиза с лейтенантом ломали кусты для веников, Глебыч резко пропал – словно в воздухе растворился, а Петрушин сходил к «мазуте»³⁰ и привел пятерых чумазных солдат. Солдаты с удивительным для военного времени энтузиазмом принялись за работу и за час навели в расположении команды идеальный порядок.

– Мы теперь у вас каждый день будем убирать, – сообщил на прощание худосочный ефрейтор с цыпками на шее. – Вы только свистните! Мы ж понимаем – офицерам самим впадлу работать...

– Чудны дела твои, господи!!! – пробормотал пораженный контрразведчик. – Или я чего-то недопонял?

– Ничего чудного, – моментом сдала товарища законопослушная Лиза. – Женя прапоров ограбил, только-то и всего...

Оказывается, Петрушин провел ревизию в «66-м», присвоил часть личного имущества прапорщиков – все равно пьяные, им не надо – и выделил артиллеристам по пачке «Донтабака», три банки сгущенки, две тушенки и две буханки белого хлеба. При этом сказал, что каждый труд должен быть вознагражден, и обещал впредь поступать так же. Еще изъясил семь бутылок нормальной водки (бесланская «Звезда Улугбека», не самопал), которую передал командиру на хранение. Солдатам водку давать не стал, в относительно мирных условиях проживания на базе это непедагогично.

Через некоторое время возник Глебыч, и не один, а с приятным дополнением. Никуда он не удирал, как грешным делом подумал Иванов, а вовсе даже наоборот – принял меры, чтобы избавить командира от составления заявки на тыловое имущество.

³⁰ В данном случае – артиллеристы (*жарг.*).

Дополнение было выражено в форме «Урала», груженного бытовыми прибабасинами, и двух почти трезвых прапорщиков с плотницким инструментом. Прапорщики быстро и без суеты соорудили пищеблок – навес, печь, котел для воды, стол и лавки, – установили умывальник, подправили сортир и «душ», заделали дыру в командирском модуле, поменяли плекс в оконцах и оборудовали семь спальных мест. До блиндажа не снизошли.

– Эти и сами с руками, – последовал кивок в сторону тел, возлежавших в кузове «66-го». – Проснутся, сами себя обслужат...

Пока правильные прапора возились с обустройством, Глебыч установил два ТА-57³¹ – Лизе и командиру, отмотал полсотни метров провода и самовольно врезался в центральный кабель, который проходил рядом с артиллеристами. Еще три аппарата были презентованы Лизе про запас – все равно списанные, не жалко.

– Глебыч, а почему – «Гесс»? – любопытствовал между делом праздный Иванов, тычком перста обозначив объект – Петрушина, который в этот момент совместно с победенным лейтенантом навешивал на турник самодельную «грушу». – Обычно Жень обызывают иначе. «Джон», например?

– А вы посмотрите внимательно...

– В быту «выкаты» не обязательно, – демократично заметил Иванов. – Разница в звезду, почти ровесники...

– Ладно, – кивнул Глебыч. – Смотри, Петрович: рыжий, конопатый, основательный... ну, и еще ряд нюансов. «Гесс» вообще сокращенный вариант. Официальная его «погремуха» – Гестапо! А в спецназе просто так прозвища не дают, это я тебе точно говорю...

С телефоном жить стало проще. Иванов быстренько обзвонил всех, кого положено, обнаружил кучу хороших знакомых, часть из которых сидели на хлебных местах, и решил ряд проблем. В результате завтра с утра обещали принять на продовольственном складе начальника ВХД (одно из тел в «66-м», конкретно которое – пока неясно), обещали принять заявки на связь, экипировку, ГСМ и вооружение, а также обнадежили туманной наводкой по дизелю. У связистов, мол, два резервных, договоритесь – один ваш.

– Договориться – не проблема, – деловито вник в командирские заботы Глебыч. – Их зампотыл – Игорь Кириллов, мой кореш. Надо три литра, ночь и день на реабилитацию. Ну, поспать потом. Три литра у нас есть.

– Ну и славно, – порадовался Иванов. – Забирай, и – вперед.

– Все, уже пошел...

По окончании бытоустройства Гестапо-Петрушин отпросился к своим, с ночевкой (все равно делать пока нечего), и утащил с собой лейтенанта. Типа, опыт перенимать. Иванов не возражал – тут как раз принесли пока что бесполезный компьютер и копии личных дел, надо было ознакомиться, составить заявки, поработать с документами и вообще немного поразмышлять в спокойной обстановке.

Кроме того, приятно порадовала возможность остаться наедине с Лизой. Прапора будут в отключке до утра – Глебыч компетентно сообщил, он в этом толк знает. А и очухаются, ночью саушки будут бухать, дверь на шпингалет и... Ужин с коньячком, правильное общение, ночь впереди...

Нет, это, конечно, маловероятно: с первого дня, с ходу, что называется... Но Иванов не с воза упал: еще не старый совсем, в самом соку, крепенький, вполне пригожий и по причине дикой начитанности очень интересный собеседник. А вдруг получится? Добротный командировочный интим – это, дорогие мои, для военного человека большая личная удача. Удобно, полезно и приятно во всех отношениях. И проблем в коллективе поменьше будет – если сразу определиться, кому конкретно дама оказывает благосклонность...

³¹ Полевой телефон на одного абонента.

При ознакомлении с документами Иванова поджидал малый сюрприз. Дела войсковиков присутствовали в полном объеме, а на Лизу и гэрэушного лейтенанта – только тетрадные обложки и по листочку. Ф.И.О., дата рождения, звание и временная должность в команде. Хоть бы фотомордочки для приличия приклеили!

– Нехорошо, – озаботился Иванов и пешим порядком убыл в штаб, к особистам. Такие дела по телефону не решаются. – Тоже мне, шпионские страсти...

Особисты дело знали туго. Коллегу приняли как родного, моментом «навели мосты» и спустя полчаса подобрали по закрытым каналам кое-какую информашку по интересующим объектам. Впрочем, и секрета особого никто из этого не делал, а копии личных дел лысыми оказались по старой доброй традиции: при откомандировании сотрудника – минимум информации навынос. Помимо всего прочего, и по войсковым товарищам дали небезынтересные дополнительные сведения, которые в личных делах хранить не принято. В общем, не зря сходил.

– Да уж, славные ребята... – подытожил Иванов, обстоятельно изучив данные на своих временных подчиненных. – И кто же это придумал – направить таких головорезов для оперативной работы? Я посмотрю, как они вам тут будут анализировать!

Впрочем, судите сами: вот краткие характеризующие данные на членов команды № 9, или, как официально она значится в приказе, «оперативно-аналитическая группа неспецифического применения»...

Семен Глебович Васильев. Сорок один год, холост. Подполковник, начальник инженерной службы ДШБр (десантно-штурмовая бригада). Профорентация – взрывотехника. Соавтор семи пособий по саперному делу. Во время прохождения службы в Афганистане был два месяца в плену. Каким-то образом ухитрился взорвать базу моджахедов, на которой содержался. Бежал, прихватив с собой двух оставшихся в живых контуженных охранников, месяц прятался в горах. Непонятно как выжил, ушел от всех облав, добрался до своих, в процессе путешествия обоих моджахедов... съел. После лечения в психбольнице вернулся в строй, живет в горячих точках, дома – проездом. Хобби: любит в пьяном виде, с завязанными глазами разминировать МВУ (минно-взрывные устройства) повышенной категории сложности. Известный шутник. Последняя шутка, ставшая достоянием широкой общественности: во время основательного застолья с двумя наикрутейшими спецами из Генерального штаба (один из них – как раз тот самый соавтор, который оформлял пособия), прибывшими проводить сборы с саперами, незаметно заминировал вышепоименованных спецов, предложил обезвредить взрывное устройство и дал на это дело две минуты...

Спецы не справились. Оба живы – вместо ВВ Глебыч использовал пластилин, отделались ожогами от слабеньких самопальных детонаторов. Вот такой затейник. Болезненно свободолюбив, не выносит хамов, отсюда постоянные конфликты с начальством. Терпят исключительно ввиду высочайшего профессионализма – другого такого во всей группировке нет.

Петрушин Евгений Борисович. Тридцать шесть лет, холост. Майор, зам по БСП (боевая и специальная подготовка) командира седьмого отряда спецназа ВВ. Профорентация – специальная тактика. Живет там же, где и Глебыч, дома – проездом. В первую чеченскую три недели был в плену, сидел практически в самой южной точке республики, высоко в горах. Не убили сразу только потому, что хотели обменять на известного полевого командира. Посидел три недели – надоело, вырезал всю охрану и удрал. Обозначил ложное направление движения, обманул погоню, забрался во двор хозяина района – одного из полевых командиров, уколошил охрану, самого командира взял в заложники, и, пользуясь им, как живым щитом, на его же джипе добрался до расположения наших. Командира сдавать не пожелал – застрелил на глазах бойцов блокпоста. Видимо, был не в настроении.

Хобби – пленных не брать. Вернее, брать, но до штаба не довозить. Есть информация, что лично любит пытаться пленных и вообще слывет мастером допросов. Даже самые кру-

тые горные орлы «раскалываются» на пятой минуте общения. Видимо, отсюда и прозвище. Обладает молниеносной реакцией, специалист практически по всем видам стрелкового и холодного оружия, бесстрашен, беспощаден к врагу и слабостям соратников. Персональный кровник девяти чеченских тейпов. Имеет маленький пунктик: вызывать на дуэль плохо обращающихся с ним старших чинов. Понятное дело – на дуэль с этим головорезом согласится не каждый, да и закона такого нету! Но прецедент, как говорят, место имеет...

Воронцов Константин Иванович (отсутствует, завтра с утра подтянется). Тридцать пять лет, женат, двое детей. Майор, военный психолог. Кадровый военный, психологом стал, заочно окончив столичный пед. Единственный в войсках доктор наук, проходящий службу в действующей части.

Про психолога Иванов также был наслышан, поскольку в свое время злые люди сверху требовали взять его под особый контроль. И непременно отыскать в его деятельности что-нибудь антигосударственное. Допустим, публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя РФ. А в идеале – госизмену.

Взяли. Разобрались. Ни фиги не отыскали. Доложили.

– Что, совсем ничего?

– Ничего. Ну, бывает, матерится по адресу властей предержажших. И в боевой обстановке, было дело, использовал труды вождей мирового пролетариата вместо пипифакса. Так ведь у нас все такие – матерят всех подряд и подтираются тем, что под руку подвернется. Что теперь – на всех дела заводить?

Наверху поругались, но отстали. Не тридцать седьмой на дворе. Пусть живет, вражина. Увольнять нельзя, человек известный, скандал может получиться.

Причиной столь пристального внимания большого начальства к заурядному майору стали его самовольные потуги на научном поприще. Тема кандидатской: *«Влияние инфантилизма нации и деградации общества на боеспособность ВС (вооруженных сил)»*. Каким-то образом упорный вояка сумел доказать ученому совету РАН, что ввиду перечисленных в заглавии факторов качество нашего призывного контингента из года в год ухудшается в геометрической прогрессии. И на данный момент оно – того... короче, совсем поплохело. Из материала диссертации следовало, что 90 процентов призывников по своим психофизиологическим параметрам примерно соответствуют уровню двенадцатилетних подростков середины восьмидесятых... Нормально? И вот эти большие дети не способны не то что выполнять служебно-боевые задачи даже в мирное время, но и самостоятельно позаботиться о себе! Посему, если мы не собираемся тотчас же переходить на профессиональную армию, призывать на службу – с учетом указанных в заглавии факторов – нужно не ранее чем в двадцать пять лет.

Согласитесь – крамола полнейшая. Только со всех сторон аргументированная и подкрепленная фактами... Кандидата Воронцову присвоили, но с условием, что он никогда не будет по данному вопросу дебатировать в СМИ и вообще забудет о своей теме.

Спустя полгода после завершения первой чеченской Воронцов опять взялся за свое – выдвинул на докторскую новую тему с малопонятным для штатских и внешне вполне безобидным заглавием: *«Профилактика БПТ при выполнении СБЗ в отрыве от ППД»*. Расшифруем: БПТ – боевая психическая травма, СБЗ – служебно-боевые задачи, ППД – вы в курсе, пункт постоянной дислокации.

При рассмотрении диссертации оказалось, что противный кандидат не желает униматься. Дескать, каждый из этих небоеспособных детей (см. тему № 1), впервые убив врага на поле боя, получив ранение либо пережив плен или гибель товарища, становится жертвой сильнейшего психотравмирующего события. И таким образом автоматически попадает в разряд психбольных с выраженной тенденцией к обострению. То есть становится социально опасным типом. Как лечить подобные заболевания, давно известно: нужно немедленно изъ-

ять больного из среды, которая породила психотравмирующее событие, создать благоприятные условия и методично заниматься вытеснением и замещением.

Получался полнейший нонсенс. Если взять за основу утверждение Воронцова, практически всех солдат и сержантов срочной службы, что находятся в районе выполнения СБЗ (а это восемьдесят процентов всего личного состава!), следует немедленно вывести из зоны боевых действий и поместить в стационарные психлечебницы! С одной стороны, конечно, верно: прежде чем лечить, надо изъять. Вопрос: а кто тогда воевать будет? Согласитесь, это уже не просто крамола – тут все гораздо серьезнее...

Доктора Воронцову дали. Теме тотчас же присвоили закрытый статус и взяли подписку о неразглашении. И попросили: ты, коллега, того... Ты вообще военный или где? Если военный – то войой себе, нечего тут народ смущать. И не ходи сюда больше. Мы тебя заочно будем любить, на расстоянии. А командованию порекомендовали принять меры.

Вот такой славный психолог. Среди своих имеет обусловленное профессией прозвище – Псих, или Доктор. Помимо диссертаций, есть еще отклонение: страшно не любит тупых начальников и подвергает их всяческой обструкции. Прекрасный аналитик, мастер психологического прогноза, спец по переговорам. В начале второй кампании был в плену: на переговорах взяли в заложники. Посидел пять дней, от нечего делать расколупал психотипы охранников и каким-то образом умудрился так их поссорить меж собой, что те вступили в боестолкновение с применением огнестрельного оружия. Проще говоря, друг друга перестреляли. Психолог, воспользовавшись суматохой, завладел оружием одного убитого стража и принял участие в ссоре – добил двоих раненых. И удрал, прихватив с собой других пленных. Короче, хороший солдат.

– Ну что ж – будем опираться и взаимодействовать, – слегка порадовался Иванов. – Не маньяк, не фанат – спасибо руководству. И вообще, на фоне остальных головорезов – единственное светлое пятнышко...

Следующий член: Василий Иванович Крюков (отсутствует, завтра с утра подтянется). 26 лет, холост. Капитан, врио начальника разведки энской бригады. На должность назначать стесняются: молодо выглядит, говорят, да и вообще... хулиганит маленько. Имеет репутацию отъявленного грубияна и задиры.

Потомственный сибиряк-охотник, мастер войсковой разведки, злые языки утверждают – мутант-де, ночью видит, нюх как у собаки, вместо гениталий – радар, типа, как у летучей мыши. Может бесшумно перемещаться по любой местности, сутками напролет лежать без движения, прикинувшись бревном, «читать» следы и так далее. Дерсу Узала, короче, – войскового разлива.

В жизненной концепции Крюкова отсутствует пункт, необходимый для успешного продвижения по службе. Вася не признает чиновничества и относится к людям сугубо с позиции человеческого фактора. Если человек достойный, но всего лишь солдат, Вася будет пить с ним водку и поделится последней банкой тушенки. Если же это генерал, но хам и «чайник» в своей сфере, Вася запросто выскажет ему в лицо свое мнение или просто пошлет в задницу. В общем, тяжелый случай.

Если подходить к вопросу с официальной точки зрения, Вася – военный преступник и полный кандидат в группу «Н»³² (склонен к суициду).

Вот один из фактов его военной биографии. В начале сего года загорелся Вася страстным желанием: «выпасти» базу неуловимого полевого командира Беслана Атаева. Беслан этот, гад вредный, отчего-то попадаться нашим никак не желал, а урону наносил – минимум за половину всего чеченского войска.

³² Военные, которых нельзя допускать к выполнению СБЗ. Садисты, лунатики, психи, самоубийцы, энурезчики и так далее. На последний момент моей службы в войсках – примерно 15 % от всей списочной численности.

Разведчик долго соображал и додумался: а не пойти ли нам... в плен? Договорился с рембатовцами за ящик водки, те солдатика одного припрятали и в СОЧ³³ подали. А Вася переделся в спецовку, поставил себе бланш под глаз, щеку разодрал, взял гранату «эргэд-эшку» и залез недалеко в горы. Дождлся, когда из села двое мирных «крестьян» с хурджи-нами, набитыми провиантом, куда-то в ущелье наладились, сел у тропы, рванул колечко гранаты и давай заливаться горячими слезами.

«Крестьяне» напоролись на Васю, с минуту подивились из кустов на большое чело-вечье горе, прикинули: стрелять смысла нет, малыш и сам на тот свет собрался. Вылезли и давай уговаривать бедолагу – не торопись, дорогой, давай поболтаем маленько, вот тебе лепешка с сыром, подхарчись чуток...

Вася дрожащими руками вставил чеку обратно, мгновенно сожрал лепешку и, глотая слезы, поведал добрым крестьянам страшную историю про издевательства офицеров-кро-хоборов, что до копейки отбирают солдатскую зарплату, да нечеловечьи выходки злобных дембелей. Бьют – ладно, привыкшие мы уж, но вот в последнее время совсем распоясались, дембеля звероподобные, гомоориентированные! С жиру бесятся, страусы похотливые, воз-желали принудить душевно тонкого юношу к этому... как его? Ну, в общем, к немужиков-скому образу жизни.

Короче – чем так жить, лучше взорваться к известной матери.

– Нэ нада гранат, – разрешили крестьяне. – Так хады, бэз гранат. Пашлы адын хароший мэст – все муджик там, никто нэ абижяит...

И привели найденьша на базу. Двое суток держали в зиндане, допрашивали с пристра-стием, «пробивали» через агентуру. Проверили – точно, есть такой малый, в СОЧе числится. Сын тракториста и доярки, все совокупное имущество семьи вместе с домом оценивается в пятьсот у. е. То есть взять с него нечего.

Ну что с ним делать? Решили было прирезать, по обычаю, но сначала спросили: а чего умеешь, хлопец? А хлопец оказался мастером по ремонту арттехвооружения. Потомствен-ный механик, блин, в тени трактора рожденный, среди железных деталей вскормленный. Ладно, живи пока, такому парню всегда дело найдется. А! Мы тебе предлагаем *дават*.³⁴

Что?! Кому давать?! Вы же обещали, что ничего такого не будет!

Да ну, успокойся, что ты все об этом? Ислам не желаете ли принять?

Ислам? А там, в исламе, случайно, того... в попу не балуются?

Нет, дорогой, можешь не волноваться, мы тут – не ваши дембеля там! Все чисто по-мужски, никаких приколов. Суровые воины, лучшая в мире религия – как-нибудь муллу пой-маем в долине, он тебя просветит подробнее. Ну?

Да че там – можно. Только, того... шкурку обрезать – боязно. стакан водки дадите?

Ха-ха – уморил! Это успеется, пока готовься. Живи, вникай, язык учи, служи общему делу. Вот тебе Коран с переводом, тренируйся. Но – по ночам. А в данный момент – вот тебе инструменты, и шагом марш миномет ремонтировать!

И зажил Вася на вражьей базе. Но жил он там недолго. В первые же сутки разобрался с системой охраны, сделал вывод: просто так удрать не получится. Нормальные «духи» попа-лись, хорошие солдаты. Тридцать процентов личного состава постоянно бодрствуют (всего на базе около сотни бойцов), на четырех точках по периметру дежурят снайперские пары, как стемнеет, включают ночную импортную оптику. База располагается так, что на километр вокруг все просматривается и сектор наблюдения каждого поста перекрывается двумя дру-гими. В общем, чтобы затушить сразу три поста, к Васе в комплект нужно как минимум еще четверых хорошо обученных воинов.

³³ Самовольное оставление части (*аббр.*).

³⁴ Приглашение, предложение стать мусульманином, принять ислам (*араб.*).

Однако надо что-то делать – не чинить же, в самом деле, минометы «духам»! Сориентировался Вася на местности (перед сдачей в плен карту этого района наизусть вызубрил), «привязал» базу к системе координат и на вторую же ночь относительно свободного содержания проявил склонность к суициду. Кто не в курсе – в армии так самоубийство обзывают.

Дождавшись собачьей вахты³⁵, прихватил наш хлопец молоток, вылез из своей норы – типа, до ветру, подкрался к северному посту и затаился.

Сидят двое в окопе, что на самой верхушке перевала, не спят. Один в прицел местность созерцает, другой по «Кенвуду»³⁶ радиоперехватом балуется. Переключка у них в 00 каждого часа – еще раньше заметил, так что времени навалом.

Скользнул Вася в окоп и с ходу произвел два снайперских удара молотком – только черепа хрустнули. Нашарил впотьмах обмундирование на остывающих трупиках, экипировался под завязку, с одного ботинки³⁷ снял – всего-то на размер больше.

Ну вот, жить можно. Осмотрелся разведчик через импортную оптику, оценил ситуацию. Сектора восточного и западного постов на треть врезаются в полосу наблюдения поста северного. Грамотный командир у «духов», все продумал. Пока расшлепаешь один пост, второй обязательно подымет тревогу.

Горько вздохнул Вася: да, жить, конечно, можно, но... недолго. До следующей радиопереклички.

– Тридцатый – Крюку, – прорезался Вася, выставив частоту начальника артиллерии группировки. – Держи площадь...

И назвал координаты базы «по улитке» – с точностью до десятка метров.

– Давай изо всего, что есть, сосредоточенным, без пристрелки. Координаты – верняк.

– Да в рот вас по носу, дорогой друг, – вполне резонно отреагировал сонный артиллерист. – Ходят тут всякие...

Реакция глубоко оправданная: мало ли кто там шалит в эфире? О Васиной миссии знали лишь единицы, боялись утечки информации.

– Позвоните в разведку, возьмите подтверждение, – попросил Вася. – Только быстро! В любую секунду на частоту сядут – если уже не сидят. Я вас прошу, активнее двигайте локтями!

– Это точно ты? – Артиллерист никуда звонить не стал, но слегка засомневался – рация, разумеется, искажает голос, но интонация и стиль речи показались знакомыми. – Ну-ка, скажи еще что-нибудь!

– Шевелите булками! – разъяренно зашипел Вася. – Каждая секунда дорога! Не заставляйте меня думать, что артиллерия – это жопа группировки!

– Это ты! – обрадовался артиллерист. – Ага! Щас дадим – мало не покажется.

– Вот-вот, – заспешил Вася. – Бросайте меня, звоните на батарее. Дайте из всего, что есть, и долбите без передышки, пока не рассветет.

– Ты что – прямо на координатах?

– Ага.

– Ты что – самоубийца?! Давай отходи – щас начнется! У тебя есть пять минут, чтобы добраться до ближайшего укрытия.

– Ага. Все, отхожу – удачи вам...

³⁵ Последняя ночная смена, примерно с 4 до 6 утра (арм.).

³⁶ «Духи» постоянно слушают наши частоты и нередко, скуки ради, болтают с нашими связистами. Типа, рус, сдавайся, принимай ислам. Или домой уходи – не фиг тут торчать за такие гроши.

³⁷ В норме пленных разувает и дают какую-нибудь рванину – ноги перемотать (а то и вообще ничего не дают). Это не мародерство, а разумная необходимость. В таком виде даже самый отъявленный ремба – наполовину калека, по горам можно перемещаться только с черепашьей скоростью.

А отходить-то некуда, сами понимаете. Если до начала артналета сунешься вниз с перевала – снайпера в четыре смычка решето сделают. Обратнo в лагерь – получим фарш без упаковки. Представьте себе, что тут будет твориться, когда начнут засаживать сразу с трех десятков орудий, с частотой 5–8 выстрелов в минуту!

Вася отложил рацию и автоматически, по привычке, начал считать. Нормативное время – пять минут. Обратный отсчет. Начинаем с трехсот и – вниз. Если до единицы ничего не придумали, принимаем православную позу упокоения (кто не в курсе – это лежa на спине, руки скрещены на груди, глаза закрыты, пульс отсутствует, температура тела равна температуре окружающей среды).

Посмотрел разведчик через оптику еще разок, ощупывая смятенным взором прилегающую местность. Ближайшая складка, способная реально защитить от разрыва гаубичного снаряда, – в трехстах метрах ниже поста, если по дороге рвануть из лагеря. Прямо сейчас ломиться нельзя, смотри выше. А когда засвистит, уже поздно. Услышал свист – считай, секунд через десять рванет. А тут нужна как минимум минута.

Прикинул Вася: и так плохо, и этак дело дрянь. Ситуация – полный тупик.

– Двести шестьдесят... Вот это жопа так жопа, – скорбно прошептал Вася. – Последняя жопа уходящей зимы. Обидно-то как! Свои же и заколбасят!

И вдруг нащупал в трофейной «разгрузке» огрызок сигары, зажигалку и плоскую бутылку с хорошо пахнущим алкоголем.

– Двести сорок девять... Оп-па! Ну-ка, ну-ка...

Зажигалка металлическая, массивная, на ощупь – как будто фирменная зипповская. Горцы любят баловать себя шикарными вещицами. Сидит себе на пастбище, пасет баранов, смолит гаванскую сигару по двадцать баксов за штуку и прикуривает от «Зиппы». Класс! И между делом прихлебывает с горла «Белую лошадь».

Курить и пить виски Вася не собирался – обстановка как-то не располагала, а между делом более подробно обыскал трупы. Снял с поясов боевые ножи, достал из нарукавных карманов курток два ИПП³⁸ и на десять секунд напряг лоб.

– Двести тридцать один... А почему бы и не попробовать? – решил разведчик спустя десять секунд. – Все равно помирать – хоть так, хоть этак.

Выбравшись из окопа, Вася прилип к камням и гюрзиным зигзагом зашуршал обратнo в лагерь. Объект – джип Беслана Атаева, стоит у крайней землянки слева, в ста метрах от северного поста.

– Сто тридцать два... – добравшись до джипа, разведчик несколько секунд послушал сонные голоса – командиры в землянке общались. Вскрыл ножом заглушку бака, вымочил ИПП в бензине, распустил на всю длину, вставил конец бинта в горловину... Поджег и шустро пополз обратнo.

Ту-дыт!!! – на счете «84» бак сочно лопнул и джип полыхнул ярким факелом.

– Ноги! – скомандовал себе Вася и, вскочив, во все лопатки рванул через северный пост. Снайпера на соседних постах могут отдыхать – такой факел вблизи секторов намертво «забивает» любую ночную оптику...

Вот такая история. Записана со слов Васи особистом бригады (запись сделана во время допроса в госпитале, после возвращения из плена). Остается добавить, что в тот раз миниатюрному разведчику досталось всего лишь семь осколков в мягкие ткани и обширная контузия. К моменту высадки десанта он сумел уйти от лагеря на полтора километра и затаился в леске.

– Семь – хорошее число. А жопа до свадьбы заживет...

³⁸ Индивидуальный перевязочный пакет.

Теперь пара слов о «смежниках». Информации немного, но характеризующие моменты присутствуют.

Загадочный гэрэушный лейтенант – Сергей Александрович Кочергин. Выглядит как минимум на двадцать пять. На самом деле имеет от роду неполных двадцать. Акселерат! Студент-заочник МГИМО. Из семьи, принадлежащей к высшему столичному свету. Холост, естественно.

Вопросы: зачем такого салагу дали в команду? В ГРУ что – ветераны кончились? Почему аттестовали на офицерское звание в таком возрасте, да еще до окончания вуза? И вообще, как мама с папой на войну отпустили? Пока непонятно.

Плюсы: свободно владеет чеченским, английским, арабским и фарси. Отменный рукопашник и стрелок. В совершенстве знает компьютер. В общем, полезный малый. Минусы: один так себе, а другой несколько настораживает. Так себе: избил двоих полковников своего ведомства, якобы оскорбивших его сослуживца. Настораживает: по оперативным данным – хладнокровный и расчетливый убийца. Имеет место какой-то расплывчатый московский эпизод с десятком трупов чеченской принадлежности. Эпизод прошлого года, нигде официально не значится, но информация присутствует. Будучи еще гражданским лицом, был в плену на базе Умаева-младшего (Итум-Калинский перевал). Организовал и возглавил побег (опять оперативные данные – фактов нет) полутора десятков пленных, в результате которого небольшой отряд Умаева был полностью уничтожен. Больше ничего по нему нет, но и так ясно: юный безбашенный головорез, потенциально опасен, с таким типом надо держать ухо востро.

И в завершение: Лиза. В завершение – не потому что дама, а ввиду исключительности положения. Согласитесь, когда в команде куча мужиков и всего одна дама, следует рассматривать ее как сотрудника с особым статусом. Угоди Иванов, допустим, к амазонкам, соответствующее отношение было бы и к нему.

– Ну нет, к амазонкам – это чересчур. – Иванов с сомнением покачал головой, ухмыльнувшись пришедшему на ум сравнению. – Вроде бы они одну сисю отрезали, чтоб из лука пулять не мешала. Это уже не очень хорошо. Это асимметрия. И с мужиками – того... после использования куда-то их девали... Гм... То-то у них там такие жирные аллигаторы ползали!

Елизавета Юрьевна Васильева. Уроженка Санкт-Петербурга. Капитан ФСБ. Двадцать шесть лет, вдова. Муж – полковник ФСБ, погиб при выполнении особого задания в конце первой чеченской. Детей нет.

Специалист по радиоэлектронике, устройствам видеоаудиовизуального контроля (читай – шпионской техники). Владеет английским, разговорным чеченским, сносно знает турецкий (и соответственно – азербайджанский). Серебряный призер северо-западного управления по стрельбе, мастер спорта по биатлону. Хобби – китайская философия, ушу, макраме.

По оперативной информации, в команду сослана за нанесение «тяжких телесных» непосредственному начальнику. Вроде бы этот непосредственный воспылал к Лизе дикой страстью и попытался в условиях командировки неправильно воспользоваться своим служебным положением. Такое частенько случается: вдали от семьи, на чужбине, дивчина симпатичная под боком, ходит туда-обратно, производит плавные движения бедрами, провоцирует своим присутствием...

Однако что-то там у них не заладилось. Задумчивая Лиза к начальственным поползновениям отнеслась без должного понимания и... прострелила непосредственному мошонку. Из табельного оружия. Трижды. И, как утверждает пострадавший, сделала это без какого-либо оттенка скандальности. Задумчиво улыбаясь и глядя вдаль туманным взором. Этакая тихая баловница!

– Не повезло мужику, – сделал вывод Иванов. – Не нашел правильного подхода к подчиненному. Не провел должной индивидуальной работы...

Вот вам команда. Легко прослеживаются объединяющие признаки. Все мужчины были в плену и удачно бежали, укокошив при этом некоторое количество супостатов. Все принадлежат к так называемой армейской либо ведомственной «отрицаловке», имеют большой неформальный авторитет в низовом звене как у себя в подразделениях, так и далеко за пределами оных.

Была ли в плену Лиза, пока неизвестно. Нет такой информации. Но то, как дамочка реагирует на обычные мужские проказы, однозначно свидетельствует: когда-то дивчину здорово обидели по данной части. Так обидели, что готова без колебания защищаться самыми изуверскими способами...

– Вот такая компашка... – изучив документы, сделал вывод Иванов. – А вообще задумка неплохая. Видимо, остались у них там мозги – не все на Запад утекли...

Высказывание сие относилось как к организаторам данной затее, так и к самой затее в частности. То есть ребята не промах и голова у них местами правильно работает, зря злые языки говорят, что там одни теоретики-политологи сидят.

Где это – «там»? А вот! В обморок не падайте. Идея создания команды исходила из... аппарата президента. Какими соображениями при этом руководствовался аппарат, никто спрашивать не стал – постеснялись. Сами понимаете, у нас не принято интересоваться мотивами, когда приказ спускают с такой заоблачной выси. Сказано: выделить специалистов самой высокой квалификации – выделили.

Ведомственное начальство втихаря покрутило пальчиком у виска и тотчас же забыло. Согласитесь, какой толк от отдельно взятого специалиста среднего или нижнего звена, если в данном направлении давно и безуспешно трудится все ведомство? Вот если бы, скажем, создали межведомственную комиссию из замов в чинах не ниже генеральского и подчинили бы кому-нибудь самому большому! Такая комиссия могла бы решать любую проблему одним росчерком пера. Другой вопрос: за каким пожилым дубелем, спрашивается, такая комиссия нужна? И так все работают в поте лица на едином поприще, взаимодействуют по мере сил и возможностей, выполняют какие-то там задачи и регулярно рапортуют наверх. Зачем же людей от дела отрывать?

В общем, начальство понять можно: самое мягкое, что напрашивается как определение в данном случае, – утопия и прожектерство. Так что спасибо, что не обматерили, а просто рукой махнули – резвитесь себе на здоровье, только под ногами не путайтесь.

А мудрый полковник Иванов, крепко поразмышляв на досуге, вник в ситуацию и верно уловил суть момента. Как там у нас команда обзывается? Оперативно-аналитическая группа неспецифического применения? Вот-вот... Полковник сам прошел путь от рядового до начальника оперативного отдела управления округа и прекрасно знал, что всеведущие и фантастически информированные генералы «опер. инфо» добывают отнюдь не своими руками, ушами и глазами. В добывании у нас испокон веку (что в армии, что в ведомствах – все едино) числятся рядовые, сержанты, лейтенанты и капитаны. Редко майоры и подполковники. Майоры, например, по большей части уже сидят на суммировании и анализе. Собрали в кучу, проанализировали, лишнее выкинули и передали далее, полковникам. Полковники скинулись, проанализировали, опять обрезают незначительные, на их взгляд, детали, что в строку не ложатся, и – генералу. То есть от первоисточника оперативных данных до верхнего уровня – огромная пропасть.

А если в аппарате пожелали получить от людей с широкими лампасами не парадный еженедельный рапорт, а реальную информацию, в мельчайших деталях отражающую подлинную суть ситуации в районе боевых действий? И не просто получить, но и кардинально влиять на ход событий посредством использования данной информации? Угадайте с трех

раз, что им подадут? Даже и сомневаться не стану: угадали! Молодец, возьмите с полки булку с маком.

Думаю, не открою Америку, если скажу, что в каждом коллективе есть свои маленькие тайны, скрытые от начальника или командира – пусть даже самого умного, толкового и глубоко уважаемого подчиненными.

Комбат, например, может не знать, что часовой третьего поста по охране городка части, образно выражаясь, накануне вступил в сговор с товарищем по службе. И вчера в половине первого ночи пропустил на территорию городка малолетнюю шлюшку Инночку. Инночка задаром оказала благосклонность троим солдатикам (стихийная благотворительность порой принимает и не такие причудливые формы!) и убыла восвояси.

Вот и весь секрет. Данный фактик, конечно, – мелочь, на состояние боеготовности не влияет, никому от этого хуже не стало, а может, даже и наоборот. От бушующей младой физиологии никуда не денешься, верно? Верно. Инночка потом еще несколько раз таким вот образом навевается в часть, дарит³⁹ всем желающим свои ласки, и все идет вроде бы неплохо. «Барабаны» замполита в число счастливых не входят, поскольку их давно «сосчитали», и потому информация остается в нижнем слое батальонного коллектива.

А потом этот маленький секрет превращается в большую пакость (реальный случай из практики Иванова, в бытность его особистом отдельной части). Через некоторое время полтора десятка любвеобильных хлопцев узнают, что Инночка наградила их сифилисом. Денег на кондомы у солдат нет, сами понимаете, а Инночка вроде бы такая лапочка и учится на первом курсе медучилища... Вот и не убереглись.

Далее – скупые строки оперативной сводки. В одну ненастную ночь бациллоносители отправляются к Инночке – разбираться (адрес известен). Порченная нимфа проживает в трущобах городской окраины, где обитает всякий сброд. Нимфу выволакивают в подъезд и начинают тривиально уничтожать физически. На шум выходят два уголовных авторитета, прибывшие на сходняк к местному смотрящему, живущему этажом ниже, и пытаются урезонить разбушевавшихся военных. Военные урезониваться не желают, отбирают у авторитетов оружие и наносят им тяжкие телесные повреждения. И быстро убывают в часть – побаловали, типа, и хватит.

Спустя полчаса на КПП части прибывают в изрядном количестве «пацаны» побитых авторитетов – при оружии и амбициях. Дежурный, получивший ультимативное требование – немедленно выдать мерзавцев!!! – вызывает «ответственного». «Ответственный» вступает в дискуссию, но по причине сонного настроения берет неверный тон и тут же, не отходя от кассы, получает в дыню и подымает в ружье ГБР⁴⁰ совместно с караулом. Прибывшие элементы вступают в соприкосновение с супостатом, возникает перестрелка, в результате которой с обеих сторон есть убитые и раненые.

К утру часть в осаде. Местное УВД проводит операцию и с большим трудом «разруливает» ситуацию. Группу военных, виновных в происшествии, эвакуируют из городка на вертолете. Все командование снимают. А тутошний смотрящий на очередном сходняке накладывает на всех военнослужащих части крест.

Вот такая залепуха, дорогие мои. А все началось с маленького шаловливого секрета, о котором не знал комбат...

Группировка войск на Северном Кавказе состоит из великого множества подразделений и неких временных формирований, созданных для решения всевозможных задач. Если взять за основу, что в каждом подразделении существует хотя бы по одному маленькому

³⁹ Довольно частое явление. Кто не верит, можете поинтересоваться у военных: если часть располагается в черте города, в близлежащих кварталах обязательно найдутся несовершеннолетние дамы определенного типа, готовые за просто так любезничать хоть с целым взводом. Как объяснить, не знаю. Феномен, блин!

⁴⁰ Группа быстрого реагирования – один из элементов боевого расчета.

секрету (наподобие вышеописанного), получается великое множество мелких секретов с тенденцией к непредсказуемому развитию. А если не по одному, а поболее? Представляете объем?!

А еще бывают мелкие секреты вовсе не венерического свойства. Ушли, например, мужики за водкой на рынок при полном прикиде, а по возвращении кто-то заметил, что у них в «разгрузках» гранат не хватает. Кто-то из своих, начальство об этом так и не узнает. Во что это может вылиться в дальнейшем, подумайте сами – по аналогии с невинными шалостями хрестоматийной Инночки...

– А ведь кто-то подсказал принцип, – утвердился в первоначальном мнении Иванов. – То ли там у них хороший психолог сидит, то ли тот, кто это придумал, сам служил некоторое время...

Принцип прост – скомплектовать команду из армейских и ведомственных разбойников. Сорвиголов, головорезов, так называемой «отрицаловки».

Мелкие секреты с крупной потенциальной перспективой большому начальству не доверяют, об этом мы с вами уже договорились. А кому доверяют? Да мало ли... Милым дамам, например. Дамы все понимают, на войне заменяют мать и подругу, перед ними каждый хочет казаться значимым и сильным.

Но дам тут немного, поэтому больше доверяют «своим в доску» парням, которые имеют авторитет не в связи со спущенным сверху циркуляром, а ввиду целого ряда личностных факторов. Доверяют не только потому, что они мастера своего дела и со всех сторон прикроют твою задницу в бою (а это, кстати, очень важный фактор!), но и железно не сдадут твои мелкие пакости начальству. Потому что плевать хотели на начальство с пожарной вышки. И помогут советом, как в случае чего отмазаться, – у самих в этом плане опыта хоть отбавляй!

Теперь соберем этих башибузуков в кучу, поставим им определенную задачу и... выведем из-под прямого руководства прежнего начальства. Вот вам нонсенс, от которого у генералов зачесались лбы! Команда оперативно подчиняется⁴¹ специальному представителю президента по Южному федеральному округу, получает задачи непосредственно от него и больше ни перед кем отчитываться не обязана.

А чтобы военные начальники подозрительно не косились и дыны в колеса не совали, в официозе обозначим направление ее деятельности вполне военно и созвучно текущему моменту. Например, так: «Проведение оперативно-разведывательных мероприятий с целью выявления и ликвидации условий и предпосылок террористической деятельности НВФ в СКР».

Нормально? Ничего, пойдет. И, в общем-то, как раз в этом направлении команда и будет трудиться. Только с несколько иным акцентом. Отличным от официального.

– Хорошо придумали! – подвел итог Иванов. – Молодцы – стратеги, мать их так. Вот только – как оно на самом деле выйдет, черт его знает. Неспроста ведь в народе стишок ходит: «...Гладко было на бумаге, да забыли про овраги! А по ним – ходить...»

В свете полученной от коллег информации ужин с прекрасной дамой заранее был обречен на отсутствие эротических перспектив. Между тем Лиза вела себя примерно. Рассеянно смотрела куда-то вдаль, раскованно и лениво болтала и проявляла к Иванову нейтральную приязнь. Можно даже сказать, вела себя как дома, совершенно без напряжения. Врага в сотрапезнике не ощущала.

«А может – сплетни? Может, врут все? Такая милая дивчина...»

⁴¹ Оперативное подчинение: временный переход должностного лица либо подразделения (ведомства) в непосредственное подчинение другому лицу, осуществляющему руководство и координацию действий при выполнении специального задания. О. п. устанавливается на основании нормативно-правового акта, достаточным признаком легитимности которого является наличие в нем условий подчиненности, время, место и ее продолжительность.

И полковник, обескураженный такой трогательной беззаботностью, решил все-таки разведать обстановку на предмет осуществления первоначального плана.

– По коньячку? Замечательный кизлярский коньяк «Багратион» – ничем не хуже лучших французских...

– С удовольствием. – Лиза легко опрокинула пятьдесят грамм, поморщилась и заела кислым яблоком. – Спасибо.

– Замечательный коньяк, не правда ли? Люди делали для себя, это не то что на продажу...

– Совершенно посредственный коньяк, – с детской непосредственностью отозвалась Лиза и вдруг печально вздохнула. – Коньяк – это не всегда напиток. Это повод. Это предопределение. В тот раз тоже все с коньяка начиналось...

Что именно начиналось в тот раз, Иванов уточнять не стал. Но желание развивать командировочный роман вдруг разом пропало. Раз! И пропало. Вместе с вожделенным зудом в чреслах молодецких. И еще показалось, что барышня-чекистка с какой-то нездоровой опрятностью поправила кобуру с табельным оружием.

«Да ну вас в задницу, милая девушка!!! – решил про себя Иванов. – Я, конечно, парень не робкого десятка... Но не в такой степени».

После ужина полковник проверил прапоров – лежат, дышат, признаков протрезвления нет. Сделал несколько звонков, проинструктировал Лизу по поводу составления заявки на имущество связи, попросил не беспокоить и заперся в своем модуле.

– Приступим, пожалуй...

Запалив свечку, Иванов достал пачку мелованной бумаги с «шапкой» спецпредставителя президента по ЮФО, ручку со специальными химическими чернилами и каллиграфическим почерком вывел заглавие:

«План подготовки и проведения оперативной разработки
„Оборотень“...»

ГЛАВА 4

Костя Воронцов

24 августа 2002 г., с. Новые Матаги

– А тебе случайно погоны не жмут? Ты скажи прямо, ученый ты наш, – пережрали вчера с комендантом, ни хера не помню...

– Ну зачем вы так, Виктор Иванович? Вам грубость не идет – вы же знаете. Я, между прочим, вчера сообщил вам свое мнение насчет чекистов. Так вы даже и слушать не...

– Да хер на тех чекистов! Фули ты мне чекистами тычешь?! Ты был старшим, мать твою докторскую, ты за все отвечаешь! Грубость мне не идет! Чекисты! Тебе, мать твою е, служить надое...

– Да надоело, блин! Пишите представление, пусть уволят к чертовой матери! Чем так служить...

– Гхм... Ты че хамишь? Завалил все дело, сиди теперь да молчи в кармашек! Уволят... Хамить вы все мастера! Вы бы так работали!

– Ну вот – ко всему прочему я еще и хам. Спасибо на добром слове...

Начальника своего я уважаю и многое ему прощаю, потому что он умница. Но сейчас этот умница несносен, поскольку у него дурное настроение. Нет, даже не дурное, а просто мерзкое. Чтобы понять причины, психологом быть не обязательно – все слишком очевидно. Мрачное туманное утро, предвещающее сырое кавказское демисезонье, начальник – человек немолодой, много испытавший, ревматизмом мается... Администрация навязала журналюг, боятся, что при обмене мы будем плохо обращаться с местными жителями; чекисты бродят около, загадочно ухмыляются; подчиненный – моральный урод, даже пару трупов доверить нельзя... Рычаги стимулирования отсутствуют: представление писать он не станет, потому как в войсках у нас хронический некомплект офицеров, работать некому и, чтобы уволиться, надо крепко постараться. Например, выкушать литр водочки, прихватить гирлянду надутых кондомов и голышом явиться на аудиенцию к командующему, распевая при этом гимн Соединенных Штатов (командующий – патриот, натофоб и блюститель нравов).

Начальник раскачивается с пятки на носок и печально смотрит вдаль. Мне по-человечески жаль его: все идет наперекосяк, выправить ситуацию он не в состоянии, а отменить обмен нельзя. В общем, приходится работать с тем, что есть.

– Да не переживайте, Виктор Иванович, – справимся. И не в таких переделках бывали! Инфо собрали, рекогносцировку провели... Поехали помаленьку, Жукова я по дороге ознакомлю...

– Жуков в госпитале, – буркнул полковник. – Вчера из Аргуна возвращался – подстрелили. Так что болтать пойдешь один. Поехали...

Вот так новость! Жуков – мой коллега. Высокий, хрупкий, благообразный очкарик сугубо интеллигентного типа, с лицом католического священника, ангельскими глазами и безграничным терпением. Одним своим видом внушает любому ублюдку симпатию. Обычно мы работаем вместе, используя проверенный метод антиподов, и все у нас получается. Я – антипод Жукова. Коренастый, невысокий, с физиономией регулярного исполнителя смертных приговоров, во взгляде легко читается (так Жуков утверждает) истинное отношение к собеседнику. Собеседники у нас еще те, и, как правило, отношение истинное у меня к ним одно: мы тут, конечно, разговариваем, но... с гораздо большим удовольствием я высадил бы тебе очередь в живот, мерзкий ублюдок! А по возможности, если обстановка позволяет, предварительно допросил бы в режиме «Б», простенько манипулируя телефонным аппаратом и сильно подогретым шомполом...

Так что, предвкушаю, без Жукова мне с Турпалом придется попотеть.

– Вот это ты попал, Константин...

Выдвигались в следующем составе – с головы: Васин «бардачок»; «66-й» с трупом и двумя старейшинами из тейпа второго труппа, который захоронили; «УАЗ» с другими чекистами (еще трое пожаловали); «УАЗ» с журналистами; БТР моего начальника с живыми пленными и охраной; замыкающий БТР со спецназом сугубо журналистов охраны для. Итого шесть автоединиц.

– Не обмен, а сплошная жопа, – мрачно заметил Вася перед началом движения. – Куда, на хер, с такой кавалькадой?

Да, опять ты прав, Вася. Такая кавалькада Турпала вряд ли обрадует. Эти местные неформальные князьки такие капризные – ужас! Они и при нормальном течении дел найдут к чему придраться – каждый обмен – это куча проблем. А уж если ты чего не соблюл по договору – тогда держись!

Комендант Шалунов, свой парень, свел меня с начальником местного райотдела. Начальник, знающий Турпала с детских лет (начальник – местный, они тут все друг друга знают), особых тайн не раскрыл, но и того, что он рассказал, было достаточно, чтобы сделать некоторые предварительные выводы по характеру и психотипу нашего инициатора.

Турпал – младший брат Султана Абдулаева, известного полевого командира. Чем таким известного? Да своими зверствами в первую и вторую войну. Хитрый, умный, кровожадный – это братец. Так вот, Султан этот в первую РЧВ⁴² выгнал Турпала из отряда и отправил пасти баранов. Доверительно вам сообщаю – это уникальный случай в чеченской истории, чтобы с родным братом – этак вот... За что выгнал? Вы не поверите. За жестокое обращение... с людьми! Про кяфиров⁴³ речь вообще не идет – они не люди. Турпал скверно обращался с подчиненными – истязал и унижал моджахедов своего взвода, а двоих вообще пристрелил без веской мотивации, за пустяки. Моджахеды жаловаться старшему брату не стали – воспитаны не так, но терпели недолго и в один прекрасный день попытались потихоньку отрезать придурковатому командиру голову. Каким-то чудом Турпалу удалось спастись, но Султан испытывать судьбу не стал и поспешил избавиться от братишки.

Во время второй войны в отряд его не взяли, а сразу предупредили – сиди дома, занимайся хозяйством. Вот он и занимается – выше я сообщал, чем именно. Любимое развлечение: покупает у моджахедов неперспективных⁴⁴ пленных, долго и вдумчиво пытается и медленно умерщвляет холодным оружием. Вот такой славный парень...

На околице Новых Матагов нас поджидал благообразный улыбчивый дедок в новенькой белой «девятке».

– Сто пудов – краденая. Турпал подогнал, не иначе, – враждебно прищурился Вася. – Родственник, что ли? Шлепнуть старого пидараса сразу после обмена, чтоб неповадно было...

Видимо, на каком-то телепатическом плане ощущая вот эту Васину неприязнь, в комплекте к улыбчивому дедку прилагался хмурый глава местной администрации и пара его замов. Путешествовать с нами они не собирались, но, сославшись на приказ командующего о совместных мероприятиях, спросили фамилию моего начальника как старшего по обмену. И предупредили, что вверяют нам одного из очень уважаемых старейшин села, исчезновение которого может породить новый виток эскалации враждебности в отношениях между федеральным центром и гордым чеченским народом.

⁴² Русско-чеченская война.

⁴³ Не мусульмане, неверные. Пишу, как произносят. По книжной версии – кафиры (от арабского «кафр» – неверующий).

⁴⁴ Это военные, за которых некому заплатить. Между прочим, большинство военных именно неперспективные, потому как являются одним из беднейших классов, их можно использовать только при таких вот обменах, один из которых мы сейчас наблюдаем. Поэтому для бизнеса приходится брать в заложники зажиточных штатских с приграничных территорий.

– Вы за кого нас принимаете?! – обиделся мой начальник. – Какое, на хер, исчезновение?! Вон, гляди: пятеро журналюг на хвосте, двое вообще – импортные.

– Обидеть не хотел. – Глава враждебно сверкнул антрацитовыми зрачками. – Просто предупредил. Идите с миром...

Сразу за селом «девятка» свернула влево и неспешно покатила по едва различимой в высокой траве колее. Колонна построилась след в след, а Вася втянул голову в плечи и ежеминутно крестился: база «бардака» и БТР значительно шире вазовской, напороться на мину – как два пальца об асфальт!

Вскоре выскочили к Аргуну – неширокой мутноватой речушке. Пеший брод, с нашей стороны – полого и чахлые деревца на фоне высокой травы, с той – забранная в густой кустарник круча и местами валуны. Дедок высунулся из «девятки», развалил личико в бело-зубой ухмылке, что-то крикнул.

– Сусанин куев... – пробормотал Вася, ощупывая тревожным взором окрестности. – Куда ты завел нас – не видно ни зги!

– Идите вперед, не е...те мозги! – живо подхватил Васин сержант – Гоша Галушкин и немедля взял деда на прицел.

– Приехали! – Дед махнул рукой через брод. – Турпал зыдэс!

– Сволочи... – слегка расстроился Вася. – Нехорошо получилось!

– Один сюда идет! – сортирным голосом приказали с того берега – откуда-то из кустов левее самого большого валуна. – Без оружия! Говорить будем. Больше никто не идет! А то заложник убиват будем!

– Попали, – окончательно определился Вася, не сумев нашарить взглядом крикуна. – Вот это жопа так жопа...

В двух словах объясняю тем, кто не в курсе, попадальную жопость ситуации: Турпал нас переиграл, а мы оказались к этому не готовы. Мы полагали, что тупой Турпал действует самостоятельно и с ним на обмене будут его крестьянские парни, которым до нормальных «духов» – как до... в общем, вы уже в курсе.

А тут чувствуется рука Султана – старшего братца, который, судя по всему, принял участие в организации мероприятия. То есть даже пара удовов, допустим, со снайперской винтовкой и гранатометом, хорошо спрятанных в кустах (уж если Вася не заметил!) противоположного берега на заранее подготовленных позициях, – это ощутимый перевес и контроль положения. А если не пара? Нет, разумеется, наши сейчас тоже рассредоточатся, но... будет видно, кто куда залег, да и бережок с нашей стороны в этом плане здорово подкачал. И вовсе не по злему умыслу либо разгильдяйству так получилось, не надо кривить пухлые губы в гнусной ухмылке! Вы же помните, накануне разведывательно-поисковый Вася катался по окрестностям – рекогносцировкой баловался. Только катался исключительно по дорогам, потому как инженерно-саперный взвод ему не дали. Тут вне дорог столько всякой дряни понатыкано – еще с первой войны, что даже местные на полусогнутых перемещаются. А Вася, напомню, не местный. А еще был расчет, что Турпал – не камикадзе и для обмена также будет пользоваться дорогами. Ну и вот – в результате мы имеем, что имеем...

– Чего ждем? – нервно крикнул мой начальник. – Воронцов – пошел! Мы тебя прикрываем!

– Пошел, пошел... А вот бы – наоборот. Пошли бы вы все... а я бы вас прикрыл! – Я отдал Васе автомат, снял «разгрузку» и перекрестился. – В случае чего – труп положить в кабинете моего начальника на все трое суток. Пусть нюхает и страдает душевно.

– Типун тебе! – буркнул Вася, принимая разгрузку. – НРС оставил?

НРС⁴⁵ – Васин подарок на мой день рождения. Подарки боевых братьев я ценю и стараюсь с ними не расставаться. Особенно с такими, что могут пригодиться в трудную минуту.

– Угу. Совсем уж без оружия – неприлично.

– А если найдут?

– Если до полного раздевания не дойдет – не найдут...

Не знаю, как там у профессиональных переговорщиков да при больших захватах заложников мирового масштаба, – но у нас в этом плане проще. У нас, как правило, режим цейтнота и мелкие местные особенности. Поэтому посредника, который на виду у врага оставил свое оружие и снял «разгрузку», обычно просто поверхностно охлопывают и оглаживают. Вдруг от волнения забыл пистоль за пазухой или пару гранат? Кроме того, прошу помнить, нохчи – гордые горные орлы. То есть если они не собираются отрезать вам яйца, то за попу и промежность при обыске трогать не станут. Это проверено...

– Уверен?

– Угу...

– Ну, смотри. Удачи...

Перебравшись на другой берег, я вымочил ноги выше колен и почувствовал себя некомфортно – утро-то прохладное. Впрочем, о каком комфорте можно говорить, когда попа твоя обжимает шершавую рукоять взведенного стреляющего ножа?! А еще прибавьте к этому такой приятный факт, что в вас целятся незримые супостаты. Сидят себе в кустиках, целятся, а ты – как слепой котенок. Ты их не видишь и понятия не имеешь, чего они там давеча покурили и что вообще у них на уме...

– Стой! Нале-во! Пять шагов вперед. Руки на затылок! Стой спокойно...

Чьи-то неласковые руки скоренько обхлопали меня, мельком пробежались по бедрам... Нижнюю часть попки и промежности вниманием не удостоили. Спасибо, супостаты!

– Ремень вытащил. Штаны расстегнул. Быстро!

Екнуло сердечко? Нет, это не то – не волнуйтесь. Это норма. Боец без ремня и с расстегнутыми штанами – наполовину калека. Одна рука у него все время занята поддержкой штанов, и можно не опасаться, что он героически прыгнет на вас, чтобы задушить в рукопашной схватке. А лучше вообще пуговицы на ширинке обрезать и располовинить резинку трусов. При определенных обстоятельствах мы точно так же поступаем с «чехами». Только они почему-то на это здорово обижаются...

– Ремень на шею. Пуговицы оставляю – спасибо скажи. Повернись.

А вот и Турпал ибн как его маму. Спасибо за пуговицы. Высокий, стройный молодой человек с красивой бородой и породистым чувственным носом. Большие глаза, взгляд спокойный, дружелюбная улыбка... Холеные запястья аристократа, руки не дрожат. Указательный палец правой руки, как положено по МБ (мерам безопасности), вытянут вдоль спусковой скобы пистолета «ТТ». В левом ухе – наушник радиопередающего устройства, к горлу прижат ларингофон, явно импортный. Спецназ, блин, – кино, видимо, часто смотрит.

– Тебя как зовут?

– Костя.

– А меня – Турпал. Ну что, Костя, меняться будем?

– А то! Зачем приехали-то?

– Ну, молодец, Костя. Слушай меня, Костя...

По-русски говорит правильно, с небольшим акцентом. Настроен нормально. Психопатом не выглядит. Напротив – симпатичный такой тип. Только лобик подкачал. Узколобый тип, линия волосяного покрова чуть ли не над бровями начинается. И глаза пустые. В общем, просто глуповатый малый, но спокойный и вполне на вид миролюбивый. Начальник райот-

⁴⁵ Нож разведчика стреляющий. Тот, что Вася Косте подарил, – НРС-2, под специальный патрон «СП-4».

дела запулил мне дезу? Смысла не вижу – мы, конечно, враги по определению, но в настоящий момент вроде как в одной упряжке. Или я чего недоглядел?

– Посмотри туда...

Посмотрел. Две дамы и солдат в «уазике», «уазик» в пятнадцати метрах от места нашего стояния, на краю небольшой лужайки, двери раскрыты. С нашего берега машину не видно, кустарник заслоняет. Рядом с «уазиком» трое: двое с автоматами, один с «ПК», стволы нацелены на пленных. Выглядят хлопцы вполне военно – сразу видно, что у брата одолжил. Чуть позади – джип. За джипом торчат еще двое: какой-то мелкий тип в маске, судя по всему, подросток, и округлый рыхловатый мужлан в «гражданке» и тубетейке, на вид вполне миролюбивый и добрый. Черноволосый, бородатый, чем-то даже на раввина похож. Но зачем-то внимательно меня рассматривает. Я бы даже сказал, с каким-то нездоровым интересом. И что это во мне такого? Деталь: мужлан без оружия. Странно...

Прапорщицы – женщины до тридцати, выглядят на все шестьдесят. Лохмотья обмундирования, опухшие лица, места живого нет. Я не закипаю, нет, – знаем мы, что такое плен, и не понаслышке. Пленная молодая женщина... это, братья мои, просто ужас. Даже и говорить не стоит, чего они там с ними вытворяли. То, что дожили до обмена, – просто чудо! Солдат – тощий пацаненок, тоже в лохмотьях, с потухшим взглядом зомби, правая рука на грязной перевязи.

– Тебе все понятно, Костя?

Мне все понятно, условия простые. Носилки есть? Пленные ходячие? Есть. Ходячие. Как-то недосуг было по ногам стрелять. Хорошо. Я стою здесь – гарант. Двое пленных берут один труп на носилках и тащат сюда. Потом возвращаются за вторым трупом на носилках. Вместе с ними уходит одна женщина. Когда пленные со вторым трупом доходят до середины реки, уходит вторая женщина. Мы с Турпалом выходим из-за кустов и стоим рядышком, в секторах наших спецов и Турпаловых снайперов. Как только пленные с трупом ступают на их берег, уходит солдат. Мы стоим, из наших никто не перемещается. Турпаловы люди грузятся, начинают движение. В этот момент Турпал ныряет в кусты, а я возвращаюсь.

– Все понятно. Все толково придумал. И себя не обидел, и нас уважил. Только тут один маленький нюансик...

– Маленький – кто?

– Проблемка небольшая... Надо последовательность чуток подкорректировать.

– Не понял? Что тебе не нравится, Костя?

– Да нет, все нравится... Только тело – одно. Второго похоронили.

– Ты шутишь, Костя?

– Разве такими вещами шутят?

– А мы как договаривались? Два живых – на два живых. Два трупа – на один живой...

– Да мы и привезли – двоих! А в Шалунах Руслана Шарипова родственники забрали и похоронили. Выйди из кустов, глянь – вон старейшины его рода стоят. Они подтвердят...

– Нет, я не понял – че за дела, Костя? – Турпал на упоминание о старейшинах не отреагировал. – Мы как договаривались?

– Слушай, ну я же тебе говорю – тут старейшины...

– Да че мне старейшины? Я с вами договаривался, при чем здесь старейшины?!

– погоди, брат. Ты послушай...

– Я тебе не брат, Костя. Волк собаке братом не может быть. Ты слова выбирай.

– О, господи... Ну, извини... Давай чисто по-человечьи... Мы тебе привезли два тела. Одного забрали люди, похоронили. Вон они стоят – ты выгляни, поговори с ними! Ты все равно бы отдал им тело. Считаю, мы тебе время сэкономили. Помогли...

– Мне от вас помощь не нужна. Я сам себе помогаю.

– Хорошо, хорошо... Ну ты хоть со старейшинами...

– И со старейшинами я говорить не собираюсь. Кто они мне такие? Я с вами договаривался. А вы не выполнили условия. – Турпал перестал улыбаться, в пустых глазах появились какие-то нездоровые огоньки. – И что мы теперь будем делать?

Хороший вопрос. Главный мент Шалунов, похоже, был прав... А ты теперь думай, психолог хренов, как с этим маньяком прийти к консенсусу. Только быстро думай, времени в обрез. Вот засада! Почитать бы историю его болезни – коль скоро таковая (история, а не болезнь – болезнь налицо!) вообще существует в природе. Что же там у нас за психотравмирующий фактор родом из детства?...

– Давай что-нибудь придумаем, Турпал... Давай так: ты погоди маленько, мы прокатимся обратно в Шалуны. Скажем старейшинам, что ты отказываешься верить на слово и... заставил нас выкопать тело Руслана Шарипова...

Турпал склонил голову влево и напряженно замер, открыв рот. Создавалось впечатление, что в этот момент какой-то незримый абонент чего-то нашептывает ему в наушник. Я отметил, что мужлан в тюбетейке исчез – видимо, надоело любоваться панорамой – и залез в джип. Мне это не понравилось: показалось вдруг, что во всей этой неприличной ситуации присутствует некая роковая упорядоченность.

– Ты умный, да, Костя? Ты издеваешься надо мной?

Турпал выпрямил голову, нехорошо ухмыльнулся и презрительно посмотрел на меня сверху вниз. Да, наверно, я не очень импозантно выгляжу. Этаким огрызок – на голову короче стройного горного орла, штаны поддерживаю... И говорю всякие гадости. Ну, представим себе, что я дуб дубом в местных обычаях. И не соображаю, что чеченец, даже руками кяфиров осквернивший могилу соплеменника, автоматически становится кровником его рода...

– А что теперь делать, Турпал? Другого выхода я просто не вижу. Мы что, тебя обманули? Ну, давай теперь отменим все...

– Будем меняться. – Турпал как-то странно моргнул и неожиданно отвел взгляд. – Все, как договорились. Только убираем один пункт, добавляем двоих и сразу вместе стоим.

– Какой пункт? Каких двоих?

– Журналист и оператор из Си-эн-эн – пусть сюда идут. Пусть снимают. Даю слово – они в безопасности. Мы с тобой выходим на открытое место, стоим. Мои берут носилки, подходят к берегу. Баба ваша пошла. Мои доходят до середины – вторая пошла, и моторы заводим. Все остальное – как сразу сказал. Понятно?

– Гхм-кхм...

Да, помимо того, что я не импозантен, у меня, наверно, сейчас глупый вид. Журналисты – это неожиданность. Откуда Турпал знает, что именно CNN? Вот это утечка так утечка! Впрочем, это второй вопрос. Сейчас важнее другое.

– Насчет журналистов – не знаю. Начальнику скажу – если разрешит... Ну, ты понимаешь?

– Понимаю. Вы зачем их притащили вообще? Если притащили, пусть работают. Передай, пусть идут сюда, снимают, я за них отвечаю. Слово мужчины. Остальное – как я сразу сказал. Тебе понятно?

– Понятно.

– Ну, молодец. Давай – иди на середину речки, скажи условия. На пять метров до берега не подходи. Чтоб мы видели, что тебе ничего не передали. Журналисты приходят первыми, потом – обмен. Давай, пять минут тебе...

Пока я болтал с Турпалом, наши спецы рассредоточились. Ввиду открытости нашего берега выглядело это убого: все огневые позиции – как на ладони. Стволы пулеметов БТР слепо нацелены на кручу. Камеры операторов, притаившихся на заднем плане, ловят в фокус брод. Опытные журналоги полагают, что подарков не будет. Но сегодня все через зад, так что кому-то повезло. Обмен – хороший материал...

Вася со своими хлопцами отсутствовал. Это несколько обнадеживало. Хотелось верить, что боевой брат даже в такой дрянной ситуации сумеет сделать что-нибудь полезное.

– Ага! – оценил мой жалкий вид Иваныч, прибывший на бережок. – Решил закаляться?

– Ближе не пускает. У нас от силы три минуты.

– Ясно. Со старейшинами болтать отказался?

– Вы такой догадливый...

– Нехорошо. Очень плохо! Ну, давай последовательность...

Я изложил порядок обмена и вкратце поделился своими наблюдениями:

– Не нравится он мне. Моральный урод. Сам – никто, но кто-то им управляет, это сто пудов... Чую, на последнем этапе у нас будут проблемы.

– Ну уж нет, давай как-нибудь без этого. – Начальник сурово прищурился. – Нам кровью брызгать нельзя, зрители вон... Откуда он узнал о сиэнэнщиках?

– Понятия не имею. Вы разрешаете?

– А ты что думаешь?

– Думаю, небезопасно. Я сказал – урод. Мало ли... Вдруг мы подарим ему еще пару заложников?

– Резонно. Но он же требует... Гхм-кхм... Короче, пусть идут. Все равно шпионы, так их за ногу. А для нас дополнительная гарантия. Он хочет героем казаться. Значит, дурковать не будет. Но ты все равно постарайся, оближи его с ног до головы.

– Я постараюсь. Но вы на всякий случай будьте готовы.

– Всегда готовы. Да! Крюков просил передать тебе: сойка. То есть если будет – можешь положиться.

– Сойка? А, понятно. Сойка... Только, боюсь, не успеет. Времени мало.

– Да, времени мало. Надеюсь, и не понадобится... Ты уж постарайся. Оближи. Все – ни пуха.

– К черту...

«Шпионам» дважды предлагать не пришлось. Получив разрешение, рванули с низкого старта, на едином дыхании форсировали речку и раньше меня вломились в кусты. Обрадовались, козлики, – темка на ровном месте упала. Акулы, короче. Капиталистические.

Указав оператору место стояния – рядом с джипом на заднем плане, Турпал приосанился, огладил бороду и выступил наподобие депутата перед выборами. То есть, не моргнув глазом, наврал в камеру с три короба.

– Я – Турпал Абдулаев, военный амир⁴⁶ всего Шалинского района. Мой отряд – восемьсот солдат чеченского спецназа и отдельная специально-особая рота шахидов-смертников. Мы воюем с русскими оккупантами, которые пришли на нашу землю и убивают наших женщин и детей...

Говорил Турпал не совсем складно, но горячо и с артистизмом, примерно как отоспавшийся и обросший Салман Радуев на суде. По его словам выходило, что он пошел навстречу оккупантам и согласился обменять захваченных при спецоперации военных преступников на безвинных мирных жителей!

На обратном пути надо просветить журналюг: нормальных бойцов у «амира» нет вовсе. Те, что тут присутствуют, – явно люди брата. А у «амира» – три десятка вооруженных односельчан-дилетантов, балующихся под его предводительством перегонкой дрянного бензина и другими пакостями, о которых уже говорилось выше. И вообще, парень маленько с головой не дружит, так что вы там особо губенку не раскатывайте, фильтруйте базар...

В конце краткой вступительной речи у меня буквально челюсть отвисла: «амир», мать его так, крепко «приподнял» вашего покорного слугу, даже не спросивши разрешения!

⁴⁶ Эмир – «вождь», полководец (араб.).

– Это Костя. Делает вид, что просто переговорщик, что майором работает. Но моя разведка работает прекрасно, я все знаю! Это лучший спецназовец группировки оккупантов, полковник, дважды Герой России. Это ас, воюет двадцать лет, с ног до головы залит кровью чеченских моджахедов. Они, оккупанты, все боятся меня, поэтому, кроме него, никто не согласился идти со мной на переговоры. Вы его побольше снимайте, он тут самый главный...

Вот такой я ас, дорогие мои. Главный враг всей чеченской армии. Ну, тут все понятно. Бахвальство – неотъемлемая составляющая горского менталитета. Разве может такой эмир, как Турпал, иметь дело с каким-то занюханным доморожденным переговорщиком в чине майора? Подавай ему дважды Героя, полковника, и непременно – с ног до головы залитого!

– Все, я сказал. Вы можете передвинуться – чтоб видно было. Выходим, Костя...

Насчет журналистов Турпал, или кто там организовал обмен, хорошо придумал. Мы вышли из кустов, оператор – за нами, чтобы поймать в фокус брод, репортер потянулся за оператором... В общем, хороший фон для Турпала, если стрелять снизу, от нас, обязательно зацепишь иностранцев. Молодец.

Первый этап обмена проходил в пределах нормы.

Двое с трупом на носилках подошли к берегу и встали – Иваныч дальше не пускал. Подождали, когда первая женщина спустится с кручи, одновременно ступили в воду...

Тут с нашей стороны был допущен волонтаризм. Женщина, хоть и старалась держаться, была очень слаба – на втором шаге поскользнулась, упала в воду и самостоятельно подняться уже не могла. Иваныч положил автомат на берег и рванул на помощь.

Турпал вмешиваться не считал нужным. Только хмыкнул и повернулся профилем к камере – вот, мол, какой я благородный и великодушный, горный орел, блин...

«Чехи» с носилками двигались с черепашьей скоростью: сутки неподвижного торчания в зиндане, да без жратвы, сил не прибавляют. Да и оскользнуться нельзя – в руках носилки с трупом соплеменника, которого Турпал наверняка захочет объявить шахидом. А над шахидом глумиться нельзя – это неприлично.

В результате вышло все по расчетам нашего славного «амира». «Чехи» с носилками – на середине, Иваныч с женщиной на нашем берегу. Вторая пошла. Иваныч опять метнулся через речку – помогать, таки оскользнулся, с разбегу бултыхнулся в ледяную воду и секунд десять барахтался, борясь с течением.

– Вообще у нас купальный сезон уже кончился! – весело пошутил Турпал. – Эти русские такие тупые – все не вовремя делают...

Купание Иваныча несколько сорвало наш график. Пока он со второй дамой добрался до середины реки, «чехи» с носилками уже практически закончили переправу.

– Отстаем, – мысленно озабочился я. – Вот некстати-то...

Как только первый из пары таскателей ступил на берег, Турпал, опять склонивший голову влево и внимавший своему наушнику, заметно оживился. Перестал светить гордым профилем в камеру, развернулся, прихлопнул левой ладонью по бедру и скороговоркой командовал что-то по-чеченски.

Из кустов левее большого валуна, расположенного ниже нас метрах в десяти, вырос «дух». Да, «дух» – нормальный такой моджахед, еще один из людей старшего брата. Одним движением стряхнул с себя прилипшие куски дерна и пучки веток, взял свой «ВСК-94»⁴⁷ прикладом под мышку и, по-кошачьи прыгнув на тропу, пристроился к носилкам сзади слева.

⁴⁷ 9-мм компактная винтовка с глушителем, под патрон «СП-5» («СП-6»). Наша, родная, на базе малогабаритного автомата «9А-91». Глушитель значительно снижает звук при выстреле и полностью исключает дульное пламя. Можете себе представить, как бы поиздевался этот невидимый «камень» над нашими спецами, случись вдруг заварушка!

– Это один из бойцов моего спецназа, – пояснил Турпал в камеру. – У меня все такие. Команда призраков. Русские не понимают, с чем они столкнулись! Мы повсюду! Каждый камень в этих горах в любой момент может ожить и уничтожить врага!

Я слегка встревожился. Нет, не сказочкой про призраков впечатлился – это я вообще пропустил мимо ушей. Если пренебречь тактическим аспектом, то сдача «амиром» своего «камня», сидевшего с классным стволом на хорошо замаскированной позиции, в данном случае продиктована здоровой целесообразностью. «Чехи» тащили носилки с трупом через брод, устали, и теперь им метров тридцать переть круто в гору. Само собой, темп уронят как минимум втрое. А тут, откуда ни возьмись, свежее плечо. Согласитесь, неплохое подспорье.

Только вот вопрос: и куда это так торопится наш веселый «амир»? И не жаль ему терять такую шикарную огневую точку?

– Пацан, – напомнил я.

– Помню. – Турпал этак по-свойски подмигнул мне. – Баба до берега дойдет, тогда – пацан. Как договаривались...

Трупоносы оказались чуть проворнее Иваныча со второй дамой. Когда «чехи» с носилками, исходя потом и хрипя от напряжения, вломились в верхние кусты, Иваныч еще мерил последние сажени брода, буквально волоча на себе утратившую способность передвигаться женщину.

– Уфф! – с заметным облегчением выдохнул Турпал. – Вот так, Костя!

– Не понял...

– Ты тупой, поэтому не понял. – Турпал надменно хмыкнул, кивнул журналистам и показал стволом «ТТ» на джип: – Давай, господа, – на первую позицию. Будем снимать финал.

В этот момент правее брода трижды, негромко этак, крикнула сойка.

Никто из присутствующих на сие явление природы внимания не обратил – в том числе и ваш покорный слуга. Ваш покорный лихорадочно шевелил мозгами, пытаясь спрогнозировать ситуацию на ближайшие три минуты и определить в ней свое место.

Журналисты дисциплинированно сдали назад – Турпал неотвязной тенью следовал за ними и спустя мгновение скрылся за линией кустов. Уплыл из сектора наших спецов раньше времени, гад!

Тут же, как по команде, заработали двигатели джипа и «УАЗа».

– Я не понял, Турпал, – че за дела?!

– Иди сюда, Костя, не бойся! – гостеприимно пригласил меня Турпал и, обернувшись к «УАЗу», отдал команду на чеченском. – Ну че ты там стоишь, дорогой? Пацана забирать не хочешь, да?

Один из троих конвоиров – здоровенный мужлан с пулеметом, выволок из «УАЗа» раненого солдата и потащил его к центру лужайки, где монументом торчал Турпал.

– Вот оно!!! – Сердечко мое скакнуло к горлу и, застряв там, принялось бешено пульсировать, заполняя сознание вязкой субстанцией паники.

Я, ребята, давно на этой войне и всякого повидал. Уверяю вас, если человека собираются отпустить на все четыре стороны, его таким вот образом не волокут...

– Ну что там у вас?

Ага, это Иваныч снизу орет. Передал спасенную даму бойцам, слегка перевел дух и теперь интересуется, почему мы не торопимся завершать последний этап.

– Скажи – все нормально! – Турпал рывком уронил солдата на колени, зашел к нему за спину и положил руку на костлявое плечо раненого. – Скажи – пять минут. Пацана заберешь и спустишься. Давай – скажи, и топай сюда, не стесняйся!

– Пять минут! – враз охрипшим голосом сдублировал я вниз и решительно попер в кусты. Действительно, чего стесняться? Это они – вне, а я-то как раз у всех в секторе. Что там шлепнут, что здесь – какая разница?

– Да что у вас там, мать вашу... Э! От Васи привет! – открытым текстом рывкнул мне в спину Иваныч. – Он тебя ждет, давай быстрее!

От Васи привет – очень вовремя. Сейчас только приветы... Черт, ну дубина, блин! Сойка же кричала! Трижды. Вася где-то рядом. Это уже лучше. Только облегчит ли это твое положение, дубина, – хрен его знает...

– Это военный преступник. – Турпал приставил ствол «ТТ» к затылку солдата, взвел курок и прищурился в камеру. – Он насильовал и убивал наших женщин. Мы действуем по договору: два живых – на два живых, два мертвых – один...

Импортный оператор неожиданно опустил камеру. Оба журналиста синхронно взблещли личиками и растерянно переглянулись. Не готовы, видишь ли, оказались к такому крутому обороту.

– Ну что, что?! Что такое?! – обиделся «амир». – Материал вам нужен или нет?

– Может бит, ми этот... ми отпуская мальтшек, потом много снимай славный эмир Турпал? – коверкая слова от волнения, предложил репортер. – Женевский конвент сорок девятый год предусматривает...

– Я вашу конвенцию рот ибал! – Турпал, мгновенно утратив любезность, кивнул на журналистов и прорычал что-то пулеметчику. – Жжит хотите – снимай все подряд. Еще раз камеру апустишь – расстрэл на месте. Ну?

Пулеметчик, зло дернув ртом, направил ствол на журналистов и положил прокуренный палец на спусковой крючок. Оператор упрашивать себя не заставил – вскинул камеру и для большей устойчивости присел на колено. Правильно, жить все хотят. А мальчишка-оккупант родственником никому из них не приходится. И вообще, если разобраться, является гражданином Империи Зла...

– Два живых – на два живых, – как ни в чем не бывало продолжил Турпал. – Два мертвых – на один живой. Так мы договорились. Оккупанты не выполнили. Привезли один мертвый. И мы отдаем им один мертвый... Я не прав, Костя?

– Отпусти мальчишку, возьми меня. – Я не узнавал своего голоса – он хрипло вещал как будто откуда-то со стороны. – И не ври, он не военный преступник, а просто тыловой водитель. А я – лучше. Я офицер, орденосец, спецназовец...

– Ты на переговоры пришел. – Турпал отрицательно покачал головой. – Я тебя не возьму – скажут потом, что я слово не держу. А я слово всегда держу – как мы договаривались, так и...

– Я добровольно сдаюсь в плен!!! – выпалил я. – Журналисты подтвердят, что я – сам, добровольно. Слово ты не нарушишь. Отпусти мальчишку!

– Мне добровольно не надо. – Турпал с каким-то нездоровым интересом посмотрел на меня и загадочно хмыкнул. – «Добровольно»! Тоже мне, умник... А я вот что придумал... Я тебе предложение делаю, Костя.

– Я весь внимание! – Я напрягся: мне опять показалось, что все идет по какому-то жуткому сценарию, спланированному кем-то зловеще-умным – не чета дурачку Турпалу.

– Я тебе даю минуту, ты подумай... Возьмешь в рот – на камеру, я отпущу солдата. Или в жопу дашь. Без разницы. Нет – застрелю его. А?

– Ты... гхм-кхм... ты совсем сдурел, Турпал?!

– А что тебе не нравится, Костя?

Я отказывался верить своим ушам! Ну, ребята, такое никакой умник придумать не в состоянии. Это просто шизоид какой-то. Нет, понятно, что Турпал олигофрен, но не настолько же!

– Турпал... Ты вообще понял, что сейчас сказал?

– Я сказал. – Турпал очень серьезно похлопал себя пистолетом по ширинке. – Мой всегда готов. И это не шутка. Выбирай: в рот, в жопу или – смерть солдату. Думай, герой Костя, время пошло...

Сумасшедший «эмир» отдернул левый рукав своей камуфляжной куртки и уставился на циферблат золотого «Ролекса».

Вот такая мерзкая альтернатива, друзья мои.

Конвоиры плюс праздный снайпер из-под валуна стоят на расстоянии кинжального огня и ловят каждое мое движение. Я уже говорил, чьи они люди, это не крестьяне с «калашами» побаловать вышли.

Вася – любитель соек, со своими пацанами черт знает где и как сидит, и неясно, сумеет ли поддержать огоньком.

Ласковый олигофрен держит под прицелом пацана и, если я откажусь оказывать ему интимное обслуживание на камеру, через минуту нажмет на спусковой крючок.

Дать себя отыметь – смерти подобно. Репортаж получится – можно сразу всей армии стреляться. Вон, из джипа опять вылез давешний гражданский в тубетейке – уставился на нас с превеликим любопытством. Зрелищ жаждет, скот...

Ну, как вам обстановочка? Нравится?

А теперь представьте себя на моем месте и за минуту придумайте правильный выход из ситуации...

– Время вышло, Костя. – Турпал сильнее вдавил ствол в тощий мальчишеский затылок, левой рукой прикрыл лицо и чуть отстранился. Солдат, который до сего момента выказывал полнейшее безразличие к своей судьбе и смотрел в землю мертвым взглядом, вдруг тихо всхлипнул и... перекрестился левой рукой.

– Я согласен, – замороженно выдавил я.

– Не понял? – Палец Турпала перестал выдавливать слабинку спускового крючка. – Ты что-то сказал, Костя?

– Да, я сказал.

– Мне не послышалось?

– Хорошо прикидываться – ты все слышал. Оставь пацана. И давай это... ну, сделаем это по-быстрому.

– Ты не шутишь, Костя?

– Нет.

– Маладэц, бляд! – Этот скотина вдруг чрезвычайно обрадовался: бросил солдата на произвол судьбы, подскочил ко мне и, ласково потрепав по плечу, горделиво обернулся к камере:

– Снимай! Все снимай! Хоть секунду упустишь – расстрэл!!! Смотри, что я буду делать с полковником спецназа, Героем России! Смотри, снимай! Вот так гордый чеченский народ – всю Россию... Ты как, Костя?

– В смысле – «как»?

– Э-э-э – какой недогадливый! Ты как хочешь, Костя, – в рот или в жопу?

– Хочу... хочу в жопу, – окончательно определился я. – Да, в жопу лучше. Гигиеничнее. Только вот... А вдруг у тебя не встанет, амир?

– У меня не встанет?! – Турпал презрительно хмыкнул. – У меня всегда готов! Давай – вставай раком, штаны снимай.

– Все, уже встаю... – Я развернулся кормой к озабоченному «амиру», нагнулся и, нырнув рукой в штаны, нащупал спусковой рычаг на рукоятке ножа.

Пук!!! – легкомысленно бзднул НРС, выплевывая из рукояти пулю.

– Оаааа!!! – отчаянно заорал Турпал, хватаясь левой рукой за пах и опрокидываясь навзничь. – Аааа!!!

Ту-дух!!! – «ГТ» «амира», со всего размаху грохнувшийся оземь, изрыгнул клок пламени: пулеметчика, встрявшего в секторе, рвануло вбок и понесло вправо.

Тр-р-р-р!!! – длиннющая очередь из потревоженного «ПК», моментом скосив журналистов, краешком вгрызлась в «УАЗ» и зацепила праздного снайпера.

Все это произошло буквально за две секунды, я даже распрямиться не успел – так и стоял раком. В следующие две секунды я, совершенно не раздумывая, повинуюсь спинному мозгу, сделал сразу две вещи: прыгнул на спину солдату, валя его наземь, и, зажав в руке нож и теряя штаны, метнулся на карачках к врагу, который был ко мне ближе всех, – Турпалу ибн как его маму, заходившемуся на траве в болевом шоке.

А на полянке и около между тем началось настоящее веселье.

Пук-пук-пук!!! – задиристо возбуждали откуда-то из дальних кустов «валы»⁴⁸ Васиного расчета, проштопывая поляну стежками свинцовых брызг.

Тр-р-р-р! – досадливо рокотали снизу пулеметы БТР, на ощупь выискивая среди валунов на круче невидимых снайперов и глубоко сожалея, что нельзя взять прицел повыше и наобум разровнять лужайку к известной матери.

В общем, там и без меня справятся – сейчас есть дело поважнее.

– Держи, амир! – Добравшись до Турпала, я коленом прижал к земле его руку с «ГТ» и с маху всадил клинок в сердце врага. И с минуту держал рукоять обеими руками, наваливаясь сверху всей массой, – тело подо мной не желало испускать дух мгновенно, оно дергалось и тряслось в диких конвульсиях. – Не повезло тебе, амир... Хреновый переговорщик попался...

⁴⁸ Бесшумный автомат под патрон «СП-5» – «СП-6», дальность эффективной стрельбы – до 400 м.

ГЛАВА 5

Абай Рустамов

КПП на въезде в Джохар⁴⁹. Туманное, влажное утро – как всегда у нас в конце августа. Птички-невелички недостреленные, чудом уцелевшие, где-то поют. На душе тревожно.

Нас досматривает русский ОМОН. У нас специальный «рафик» с красной надписью «Баклаборатория», внутри там все как положено – приборы есть, стол, сидушки. Документы тоже в порядке, все подлинное. Но все равно, сами понимаете, прицепиться при желании можно к чему угодно.

– Сматры, дарагой! И зыдэс сматры. И зыдэс тож сматры...

Я прекрасно говорю по-русски. Лучше, чем на родном. Акцент сейчас специально делаю. Играю тупого водилу, простака, которого только что из аула взяли, посадили за баранку, и он шугается при виде каждого начальника. Умные и шибко грамотные всегда подозрительны, да и раздражение вызывают. Такой, если обидишь, может и пожаловаться. А тупого всегда легче обобрать. Вот и играю. Сильный акцент и тупая рожа всегда безотказно срабатывают, проверено десятки раз.

– Гидэ хочишь сматры! Полик падымат нада?

– Ладно, ладно, ясно с вами... О! Мясо. Ага...

Омоновец открыл цинковый бак, в котором хранятся два барана, зарезанные утром и разделанные на несколько частей. Аппетитное мясо, ничего не скажешь. Даже жалко такое отдавать. Сами бы съели с удовольствием. Но это специально, для отвода глаза. Это уловка такая, тоже проверенная.

– А что-то мясо у вас того... подозрительное. Нет, скажешь? Почему такое жирное? Вы че, вирус распространять везете? Бактериологическое оружие, типа? Документы есть на это мясо, а?

Все понятно. Мясо подозрительное, ха! Я мог бы убить тебя одним движением, голыми руками, жадный гяур. И перещелкать из твоего автомата остальных ментов-омоновцев, в том числе и снайпера на посту прикрытия – он плохо службу несет, вылез весь из-за баррикады. Моим бойцам даже и вмешиваться не пришлось бы.

Но я терплю, сегодня у меня особая задача. Я обеспечиваю личные мероприятия самого Хамзы и головой отвечаю за его безопасность. И не пикну, даже если меня ткнут мордой в землю и обыщут с ног до головы. Хотя положить мужчину на землю – тяжкое оскорбление. Пользуйся, гнусный гяур, случаем, ты даже представить себе не можешь, кого сейчас обираешь!

– Какой такой вируз, дарагой?! Валла-билла, начальник, никакой вируз нэт! Сабсэм хароши мясо, э! Вон, доктор едит, сам правиряит такой вещщ. Возьми нэмнога, кущай, сам сматры, какой хароши! Ну?

– Не нукай, не запряг. – Омоновец на предложение реагирует молниеносно – сразу хватает самую здоровую ляжку и тащит из бака. – Давай, проезжай. Скажи спасибо, добрый я сегодня...

Салам, читатель! Ты, наверно, узнал меня? Это опять я, неуловимый вервольф, ловкий разведчик Абай. Я сразу не представился, думаю, меня и так легко узнать можно. Салам тебе и машалла, если ты правоверный. Или даже не совсем правоверный, но не русский. Хотя уже говорил...

⁴⁹ Вы, конечно, записки абрека можете читать – воля ваша. Но, образно выражаясь, пристально «фильтруйте базар». Разумеется, это всего лишь Грозный...

Четверо суток прошло после той филигранной операции, и теперь я в Джохаре со специальным, очень важным заданием. Я сопровождаю Хамзу, он справа сидит, на месте старшего машины. Сегодня я один отвечаю за его безопасность.

Обычно Хамза перемещается со своим личным телохранителем Новрузом, которого все, кто его знает, страшно уважают и побаиваются. Это вообще чудо, а не человек. Небольшого роста, худой, глаза глубоко посаженные. Мелкий такой турок, молчаливый и спокойный, как робот. Стреляет на шорох, голыми руками может убить целый взвод, опасность чувствует за километр, интуиция у него просто чудовищная. Но пять суток назад с ним произошла маленькая неприятность. За день до того, как мы порвали на части колонну федералов, Хамза ездил на небольшое мероприятие с людьми Султана Абдулаева, имел в этом мероприятии свой интерес. Один федерал его заинтересовал, об этом как-нибудь позже расскажу. И попали они там в переделку! Совершенно неожиданно, как говорят, на ровном месте споткнулись. Все моджахеды Султана стали шахидами. Мясорубка там была – словами не описать. А Хамзу спас Новруз, каким-то чудом сумел выскочить на джипе из кровавой метели, хотя получил три ранения. Ранения не тяжелые, но, пока добрались до базы, сильно истек кровью. Сейчас лежит, сил набирается.

Со мной Ваха и Мовсар – мои личные телохранители. Пулеметов сейчас у них нет, но они мастера на все руки, а под поликом у нас спрятано оружие и гранаты. Если что, мы такой вот блокпост и без оружия уничтожим, голыми руками. Я всегда предлагаю на постах поднять полик – как русские говорят, на рожон лезу, и это всегда проходит. Зачем поднимать, если горец сам предлагает? Опытные федералы, что стоят на блокпостах, знают, что мой народ не умеет врать. Чеченец, если врать приходится, сразу себя выдает: глаза прячет, краснеет, суетится. Потому что это противно его природе. Другое дело, те, которые в русских городах долго живут. Как я, например. Из них такие артисты получаются – любого!

Отдав ляжку, мы едем дальше. Джохар, город моего детства, лежит в руинах. Дорога вся разворочена гусеницами танков и самоходок, повсюду воронки, бетонные блоки и сваренные рельсы – противотаранные ежи. Кругом развалины, мертвые остовы многоэтажек, кое-где сохранились чудом уцелевшие дома, в которых ютятся мои несчастные соплеменники.

Сердце обливается кровью при виде этой картины. Что может испытывать нормальный человек по отношению к тем, кто сделал такое с его домом? Да, мы абреки, бандиты и варвары, но представьте себя на нашем месте! Если бы русские разбомбили ваш Копенгаген или Лондон до древнегреческого ландшафта, поставили бы по перекресткам блокпосты, на которых каждого вашего мужчину клали бы лицом на землю и брали дань с каждой машины, и сказали бы: мы вот так вам помогаем, хотим, чтобы вы жили мирно, по нашей русской Конституции!

А перед этим, не забудьте, что русские два с половиной столетия назад вторглись на вашу землю и насильственно присоединили ее к своей территории. И два с половиной столетия вы непрерывно с ними воевали, потому что они безжалостно и жестоко заливали кровью любую вашу попытку к независимости. Вы как, стали бы их любить после этого? Ха! Думаю, если вы не мазохисты, то не стали бы. Вот и мы – тоже. У нас каждый ребенок, едва начав понимать себя в этом мире, наизусть знает каждую веху этой истории. И твердо знает, кто главный враг нашего народа.

Вот такие дела, уважаемый читатель. Поэтому основа наших отношений всегда будет вечной и постоянной: набеги, войны, работорговля и всяческий подрыв экономики огромной империи, некогда оккупировавшей наш гордый свободный народ. Только так, и никак иначе! Мы всегда будем жить по адатам, а их Конституцию в рот е...ли! И кто писал ее – тоже

е...ли. И ручку, и бумагу, и стол, на котором ее писали! Это Конституция свиней и трусов, которые привыкли быть рабами и без этого не могут.

Знаете, у свиней бывают солитеры. Свинья вообще нечистое животное, поэтому мы ее не едим, кто ее ест, сам становится свиньей, как русские. Свинья тупая, она сама никогда не догадается, что у нее солитер, будет хрюкать себе и жрать что попало. Ей ветеринар нужен, чтобы убрать солитера. Так вот, мы, нохчи, – это большой солитер России, который будет вечно сосать ее больную плоть! Пока не придет ветеринар и не поможет ей навсегда избавиться от этого солитера. А если не придет, она скоро сдохнет от этого.

Ух, красиво сказал! Даже сам удивился.

Ладно, давайте по делу. А то я об этом могу часами говорить – сами знаете, у кого что болит, тот о том и говорит.

Итак, мы возьмем Хамзу. У него сегодня в Джохаре два мероприятия. Какие – узнаете позже, сейчас расскажу, кто он вообще такой и какие у нас с ним отношения.

Хамза – турецкий резидент. Большой человек, огромными деньгами ворочает, у нас здесь на него целый полк пашет. Хамза торчит на Кавказе с 91-го года, уже одиннадцать лет. Он страшно умный, настоящий стратег и полиглот. По-чеченски говорит, как настоящий нохчо. По-русски – как рязанский Ванька. Как родной знает аварский. Ему где-то слегка за сорок, он такой округлый, на вид очень добродушный и простой – такой деревенский увалень-простофиля. А еще он рыжий и голубоглазый. Русские его обычно не обыскивают и относятся к нему хорошо, потому что у него классная легенда и отличные документы.

По легенде Хамза – врач санэпиднадзора. У нас с 93-го года часто бывают эпидемии и всякая зараза, так что такому врачу везде дело есть, всюду можно проехать, не вызывая подозрения. Кроме того, по паспорту он аварец и прописан в Махачкале, это вообще здорово выручает. Русские к дагам относятся нормально.

Несмотря на такую удобную легенду, Хамза не рискует и никогда не носит оружия. Общаясь с ним, я понял, что в случае чего он предпочтет умереть от руки случайных отморожков, чем раскрыться. Кремень, не человек. Я прекрасно понимаю, что кончика его родового кинжала не стою.

Основная база Хамзы – отряд Султана Абдулаева. Султан, конечно, имеет свой отдельный бизнес, как и все уважаемые люди, но в основном кушает из рук Хамзы. Я раньше тоже был в отряде Султана, заработал там вес, командовал людьми, и резидент взял меня к себе, только тщательно присмотревшись и поняв, что я этого стою. Теперь я – правая рука резидента. Шеф мой правильно строит свои отношения с людьми, своим подчиненным он не только платит деньги, но и обеспечивает надежный тыл и перспективы. Вот у меня, например, есть в Анталии собственный дом, в котором уже два года живет моя семья, и имеются неплохие счета в трех европейских банках. У меня и в Новых Матагах дом есть, но это так, временная база, там живет моя вторая жена, молодая горячая чеченка.

Но это так не у всех, а только у избранных, самых преданных и достойных. Я с Хамзой давно, работаю на него с середины 96-го года. И неоднократно доказал, что стою вложенных в меня денег и доверия. Сначала я был на побегушках, потом полгода учился в Анкаре, в разведывательно-диверсионном учебном центре, и только после этого мне стали поручать ответственные дела и посвящать в некоторые секреты. Рашид и Руслан – мои боевые братья, прилежно работают в том же направлении. Если будет на то воля Аллаха, в следующем году они также начнут строить свои дома в Анталии. Только чуть попроще, чем у меня, и в другом районе. Ха! Каждому – по заслугам, это очень правильный принцип. И вообще, каждый вервольф знает, что он может рассчитывать на достойную жизнь, если в поте лица будет заниматься ратным трудом. Мой пример убедителен. Кем я был и кем стал! Был никем, стал уважаемым человеком, при виде которого молодые моджахеды вскакивают, как солдаты

при виде генерала. Султан давным-давно уже мне распоряжений не отдает и беседует, как с равным, понимает, что я совсем в другой сфере.

Хотя это не главное. Главное – крепкий, надежный тыл. Можно работать не покладая рук, потом поехать, отдохнуть, как человек, в безопасности, в окружении братьев мусульман. Затем вернуться на многострадальную родину и вновь ринуться в бой, не жалея своей крови и самой жизни.

Уф, много правильных слов наговорил, вам, наверно, скучно стало. А! «Вервольф» – это Хамза придумал. Основная его задача здесь, у нас – это агентурная работа и идеологические диверсии. Мое подразделение как раз такими диверсиями и занимается. Конечная цель турков, как я понял, это выкинуть Россию с Кавказа и организовать там мусульманский имамат. В свою пользу, понятное дело, Иран здесь ни при чем. С нашими целями на данном этапе это не расходится, поэтому мы оказываем им всестороннюю помощь и поддержку. Пока оказываем, там, дальше, видно будет.

Что это за идеологические диверсии такие? Чуть позже узнаете. Начало одного такого мероприятия вы уже видели, когда мы порвали на куски русскую колонну у села национал-предателей и ликвидировали хитрого генерала. Сегодня, если будет на то воля Аллаха, увидите продолжение. А вообще, если попросту объяснять, все это мы делаем для поддержания наших уважаемых соплеменников в тонусе. Простой народ в массе своей тупой и инертный, он в принципе устал от постоянной войны и хочет передышки. Поэтому многие готовы на перемирие. А это неправильно! Война должна быть непрерывной и беспощадной, чтобы вся мировая общественность и самые тупые русские наконец поняли: от этого народа толку все равно не будет, его можно либо уничтожить, либо отпустить из состава России навсегда! Вот такие дела, уважаемый читатель...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.